

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

802-17
1984

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ-ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

~~~~~  
ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ  
~~~~~

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

№№ 9, 10, 11 и 12.

Съ приложеніемъ четырехъ рисунковъ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

ство русскаго Царя. Просьба ихъ была услышана и, для приведенія ихъ къ присягѣ, въ селеніе Сере-Кіой Бабодагской области, былъ посланъ генераль Тучковъ. При этомъ, согласно Высочайшей волѣ, генераль Тучковъ возложилъ на атамана Некрасовцевъ Льва Полежаева золотую медаль, на Александровской лентѣ, и объявилъ казакамъ, что Государю Императору благоугодно освободить ихъ отъ платежа податей въ теченіе 20 лѣтъ, со дня поселенія ихъ въ Россіи.

Нѣсколько раньше ихъ, возвратились въ подданство Россіи потомки Запорожцевъ, бѣжавшіе къ Туркамъ въ царствованіе Екатерины II.

Таковы были послѣдствія паденія Браилова, облегчившаго дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій и возвратившаго въ нѣдра отечества тысячи храбрыхъ воиновъ.

А. Г. —ъ.

(Продолженіе будетъ)

РУССКІЕ ПОДЪ САМАРКАНДОМЪ.

ГЛАВА I.

Сосредоточеніе бухарскихъ войскъ въ Самаркандѣ. — Приказъ по войскамъ Туркестанскаго края. — Усиленіе войскъ нашей передовой линіи. — Прибытіе отряда въ Яны-Мурганъ. — Посольство изъ Бухары. — Ташъ-Купрюкъ. — «Подъемъ». — Непріятельскій авангардъ. — Реконсцировка мѣстности полковникомъ Петрушевскимъ. — Переговоры. — Наступленіе. — Атака кавалеріи. — Позиція Бухарцевъ на высотахъ Чапанъ-ата. — Переговоры. — Движеніе къ высотамъ. — Рукавъ Заряшана. — Переправа. — Гайининъ. — Огонь Непріятельской артиллеріи. — Рисовыя поля. — Атака позиціи Бухарцевъ. — Преслѣдованіе бѣжавшаго неприятели. — Атака на вагенбургъ. — Взятіе муллашки св. Чапана. — Командующій войсками благодаритъ войска. — Потери наши при взятіи высотъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1868 года, въ войскахъ нашихъ, расположенныхъ въ Ташкентѣ, Ходжен-тѣ и въ другихъ мѣстахъ, стали получаться свѣдѣнія

о сосредоточеніи бухарскихъ войскъ въ Самаркандѣ. Сюда стекались громадныя толпы Бухарцевъ, прощовѣ-дую противъ русскихъ войну, будто-бы за вѣру, и тѣмъ разсчитывая поднять все осѣдлое населеніе Сыръ-Дарьинской области.

«Въ теченіи полугода, я истощалъ всѣ усилія, для достиженія мира путемъ переговоровъ,» говорилъ командующій войсками, въ своемъ приказѣ, по войскамъ Туркестанскаго округа. «Стараясь не замѣчать уловокъ, посредствомъ которыхъ Бухарцы хотѣли оттянуть окончательное принятіе предложенныхъ имъ условій; дѣлая все, что возможно было, для убѣжденія эмира въ необходимости заключить договоръ между Россією и Бухарою, я ожидалъ, что онъ, нѣсколько разъ встрѣчавшійся съ русскими войсками, пойметъ наконецъ свои выгоды. Однако, можно думать, что эмиръ продолжаетъ упорствовать въ намѣреніи возвратить силою оружія свое первенствующее значеніе въ Средней Азіи».

«Если сосредоточеніе бухарскихъ войскъ имѣетъ значеніе открытой вражды къ Россіи, т. е. если бы нельзя было достигъ упроченія на нашей границѣ спокойствія иначе, какъ оружіемъ, то необходимо добиться мира съ мечемъ въ рукѣ.»

И, вслѣдъ за этимъ приказомъ, сдѣланы были распоряженія о сосредоточеніи нашихъ войскъ на передовой линіи, преимущественно въ Джизакѣ и Яны-Мурганѣ.

Усиленіе войскъ передовой линіи, пріѣздъ Командующаго войсками въ лагерь подъ Джизакомъ, — все это произвело страшный переполохъ, какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ остальной Бухарѣ. Бухарцы этого не ожидали, а всякая неожиданность всегда пугаетъ азіатца

и нерѣдко порождаетъ въ немъ рѣшимость отказаться отъ задуманной вражды. Но, на этотъ разъ, бухарское духовенство не дало страху распространиться въ народѣ, оно, настойчивѣе чѣмъ когда либо, проповѣдывало вражду и войну противъ русскихъ.

Отъ 23-го до 26-го чиселъ апрѣля, изъ Самарканда прїѣзжали два посланныхъ, съ письмами отъ самаркандскихъ бековъ. Беки, увѣряя командующаго войсками, что эмиръ скоро вышлетъ требуемыя условія мирнаго договора, просили не начинать войны. Первое изъ этихъ писемъ было скрѣплено пятью печатями, а второе уже семью. — Ясно, что число войскъ въ Самаркандѣ съ каждымъ днемъ возрастало.

Къ 27-му апрѣля, въ лагерѣ подъ Джизакомъ уже были сосредоточены: четыре роты 2-го линейнаго батальона, три роты 3-го, трироты, 4-го, двѣ роты стрѣлковаго и четыре роты 6-го батальоновъ; всего 16 ротъ пѣхоты, шесть орудій, шесть сотенъ казаковъ, полурота саперовъ, взводъ облегченной батареи, рота авганцевъ *) и двѣ команды конныхъ джигитовъ. Всѣ названныя части были снабжены достаточнымъ запасомъ патроновъ, зарядовъ и сухарей.

Утромъ 27 числа, командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи главной квартиры въ Яны-Курганъ, куда въ тотъ-же день были двинуты двѣ роты стрѣлковаго батальона, полурота саперовъ, рота авганцевъ, дивизіонъ нарѣзной батареи и четыре сотни казаковъ, вмѣстѣ съ артиллерійскимъ и инженернымъ

*) 19 Апрѣля передавшихся на нашу сторону, подъ предводительствомъ Искандеръ-хана, и изъявившихъ готовность служить Бѣлому Царю.

парками и съ интендантскимъ обозомъ. Четыремъ ротамъ 6-го батальона, прибывшаго въ Джизакъ только 26-го вечеромъ, приказано было выступить въ Яны-Курганъ 29-го числа.

Въ Джизакѣ, для охраненія цитадели и складовъ, были оставлены пять ротъ 2-го батальона, взводъ облегченной батареи и двѣ сотни казаковъ.

Въ четыре часа, весь отрядъ прибылъ въ Яны-Курганъ и расположился лагеремъ между берегомъ р. Джиланъ-Уты и большой Самаркандской дорогой. Часовъ въ пять, когда еще не всѣ части отряда были разставлены на мѣста, вдали, на самаркандской дорогѣ, показались небольшія толпы всадниковъ. Тотчасъ, на встрѣчу имъ, были посланы три сотни казаковъ. Толпы быстро отступили и казаки, проѣхавъ еще 12 верстъ, вернулись, нигдѣ не видавъ непріятеля.

А на слѣдующій день, въ Самаркандѣ уже было извѣстно прибытіе нашихъ войскъ въ Яны-Курганъ, и бекъ самаркандскій, Баба-ходжа, доносилъ объ этомъ эмиру:

«Таксырь! По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, русскій отрядъ расположился бивуакомъ при урочищѣ Яны-Курганъ и, вѣроятно, на дняхъ двинется къ Самарканду. Какія мѣры прикажете принять противъ этого? Войска ваши, Таксырь, собраны и расположены, по приказанію вашему, на Чапанъ-атинскихъ высотахъ, подъ предводительствомъ вашего сына; часть жителей также выведена въ отрядъ и вооружена; затѣмъ, поданные Ваши ожидаютъ Вашего прибытія, какъ восхода солнца въ раннее и ясное утро. Прїѣздъ Вашъ можетъ воодушевить храбрыхъ войска Ваши, Таксырь!»

Получивъ такое донесеніе, эмиръ, очень обрадованный тѣмъ, что войска его успѣли такъ скоро собраться, послалъ въ Самаркандъ сердаря Нажмутдина-ходжу, для осмотра ихъ и окончательнаго приготовленія къ бою. Эмиръ ни мало не сомнѣвался въ успѣхѣ предстоящей борьбы и увѣрялъ народъ, что самаркандскія святыни ни одного дня не могутъ быть въ рукахъ невѣрныхъ.

29-го числа, командующій войсками получилъ отъ бековъ новое письмо, съ тою же просьбою, не выступать изъ Яны-Кургана, не нарушать мира, и съ тѣмъ же увѣреніемъ, что условія мирнаго трактата будутъ на дняхъ высланы. Но къ этому письму было приложено уже семнадцать печатей бековъ; самый тонъ письма отличался высокомеріемъ. Желаніе выиграть время становилось болѣе чѣмъ яснымъ. Медлить болѣе, значило дать возможность бухарцамъ усилиться, взволновать подданныхъ намъ туземцевъ; наконецъ, это значило бы показать нерѣшительность.

Вслѣдствіе этого, тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе о движеніи впередъ, и въ 4 часа утра, 30-го апрѣля, отрядъ, въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ, числомъ, всего, около 3,500 человекъ, оставивъ въ Яны-Курганѣ двѣ роты пѣхоты, два горныхъ орудія и двѣ сотни казаковъ, двинулся по Самаркандской дорогѣ.

День былъ жаркій; жажда томила всѣхъ. Часовъ въ десять отрядъ остановился, чтобы стянуть обозъ.

Въ это время прискакалъ къ командиру войсками джигитъ, съ донесеніемъ, о прибытіи посольства изъ Бухары. Вскорѣ, къ тому мѣсту, гдѣ распо-

жился генералъ, подъѣзжалъ мирза Шамсутдинъ, который еще прежде бывалъ въ Ташкентѣ. Его сопровождали десять бухарцевъ лошади которыхъ были навьючены чемоданами съ кусками канауса и халатами. Увидавъ его, командующій войсками обрадовался. Къ сожалѣнію, вмѣсто ожидаемыхъ условій мирнаго договора, мирза подалъ генералу новое письмо отъ эмира, объявивъ, что не далѣе, какъ черезъ день, пріѣдетъ настоящій посланникъ, съ утвержденными печатью эмира, условіями мирнаго договора. Затѣмъ, онъ просилъ командующаго войсками, принять привезенные ему подарки и возвратиться въ Яны-Курганъ. Командующій войсками, не принявъ подарковъ и объявилъ мурзѣ Шамсутдину, что войска будутъ двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ утвержденныхъ эмиромъ-Сеидъ-Музафаромъ условій мирнаго договора.

Тотчасъ ударили подъемъ и отрядъ двинулся далѣе и къ 5-ти часамъ вечера прибылъ въ урочище Ташъ-Купрюкъ*), гдѣ расположился на ночлегъ.

Урочище было брошено жителями, которые, забравъ свои пожитки, бѣжали въ горы. Кругомъ, верстъ на десять, не появлялось ни одного вооруженнаго бухарца.

Разставили сторожевую цѣпь и люди, растянувшись на травѣ, собирались отдохнуть, отъ труднаго дневнаго перехода, подъ палящими лучами азіатскаго солнца. Слазили въ крутой, глубокой арыкъ за водой и вскипятили котелки, для чаю. А тамъ хочется поскорѣе вернуться въ шинель, да заснуть, примостившись подъ козлами. Что-то будетъ завтра?—Но врядъ ли кто изъ

*) Каменный мостъ.

нихъ и думаетъ объ этомъ... въ головѣ мысли какъ-то не вяжутся... усталость беретъ свое... а завтра что будетъ,—само объявится.

«Встань солдатъ, встань—подымись...» скрипитъ хоръ горнистовъ.

«Всадники—други, въ походъ собирайтесь...» подхватываютъ дальше казачьи трубачи.

А еще вовсе темно. Звѣзды спокойно поглядываютъ внизъ и словно бы говорятъ: и чего горячку порете? спали бы, да спали.

Выглянуло изъ подъ шинели лицо солдатское и пахнуло въ него холодомъ. А подъ шинелью такъ тепло, такъ славно... Вѣки такъ тихо сладко опускаются на глаза.

А горы дѣлаютъ свое: «встань солдатъ»! однообразно и безжалостно выкрипываютъ они.

— И чего орутъ: встань, встань! Точно ихъ не слышать..... лѣшіе!—попало за что-то невиннымъ горнистамъ, и сердитая рука сразу отпахнула шинель. Черезъ три минуты солдатъ уже готовъ, совсѣмъ другой человѣкъ; только взять ружье да идти. О снѣ, о теплѣ, и помину нѣтъ: толчется около козелъ да сухари грызеть.

Раздалась команда и зашагали въ темнотѣ солдатскія ноги, заволновались сѣрыя шинели съ бѣлыми мѣшками на спинѣ и долго съ выхода, слышался еще мѣрный, несбитый шагъ.

Взошло первое майское солнце... пошла старая дорога—кругомъ ничего невидать, кромѣ голой, скучной мѣстности, даже дряни нѣтъ никакой. Солнце,—нерадостное весеннее солнышко,—а солнце—врагъ походнаго

человѣка, забирается выше и выше. Шинели давно уже сняты, и скатаны черезъ плечо; но жаръ душить и въ однѣхъ рубахахъ. Вдоль всей колонны стоялъ сѣрый туманъ пыли. Но вотъ дорога взобралась на послѣдній холмъ, сдѣлала крутой изворотъ и разомъ пошла внизъ.

Передъ нами была знаменитая, роскошная долина Зарявшана. Цѣлое море садовъ, съ деревьями, тонущими въ ихъ зелени! Тутъ вездѣ видна жизнь и достатокъ. А среди этой долины, упершись однимъ краемъ въ холмы, темнѣло огромное зеленое пятно—гордость и слава мусульманъ, цѣль нашего похода—Самаркандъ.

Картина была неожиданная. Всѣ встрепенулись; каждый приободрился; шагъ, самъ собою сдѣлался тверже и оживленный говоръ смѣнилъ понурое молчаніе.

— Вотъ такъ мѣста! слышались возгласы.

— Вотъ онъ, Самарканъ—отъ!... не такъ какъ у насъ въ Янъ-Курганъ—колючка одна...

А вотъ вылетѣлъ впередъ нашъ поджарый запѣвало, ухорски заломилъ шапку и за его зычнымъ голосомъ грянули совсѣмъ свѣжіе голоса:

«Громъ побѣды раздавайся»...

Широкая поляна между кишлакомъ Акъ-Курганъ, который отрядъ только что миновалъ, и садами была пуста, но вдоль опушки садовъ, на дорогѣ, посторонамъ ея и на курганахъ, за деревьями, стояли Сарбазы, пестрѣли массы конныхъ сартовъ виднѣлись бунчуки и значки.

— Что это?—спросилъ генералъ, обратясь къ мирзѣ Шамсутдину, который все время слѣдовалъ за нимъ.

— Не знаю, отвѣтилъ посланецъ; когда я вчера ѣхалъ къ вамъ, тутъ никого не было.

По мѣрѣ того, какъ авангардъ подходилъ къ садамъ, непріятель снимался съ своихъ позицій и отступалъ.

День былъ жаркій; знойное солнце палило безжалостно; между тѣмъ, съ минуты на минуту въ отрядѣ ожидали начала дѣла.

Рѣшено было сдѣлать привалъ; но лишь только было отдано приказаніе остановиться, какъ начальникъ джигитовъ, слѣдовавшихъ въ головѣ авангарда донесъ, что непріятель переходитъ въ наступленіе.

Поспѣшивъ къ авангарду, командующій войсками приказалъ разсыпать вправо отъ дороги двѣ роты стрѣлковъ и развернуть по сторонамъ ея двѣ сотни казаковъ. Въстѣ съ тѣмъ, начальникъ походнаго штаба, генеральнаго штаба полковникъ Петрушевскій, получилъ приказаніе выѣхать впередъ, для осмотра впереди лежащей мѣстности.

Завидѣвъ развертываніе нашего авангарда, мирза Шамсутдинъ, съ разрѣшенія командующаго войсками, отъѣхалъ къ Бухарцамъ.

Выѣхавъ съ тридцатью казаками версты на полторы впередъ, по дорогѣ, Полковникъ Петрушевскій, оставилъ казаковъ внѣ выстрѣловъ Бухарцевъ и послалъ джигита сказать начальнику передовой непріятельской партіи, чтобъ онъ отступилъ и пропустилъ нашъ отрядъ къ Зарявшану, такъ какъ войны не будетъ, а между тѣмъ войска, въ ожиданіи переговоровъ о мирѣ, ближе Зарявшана остановиться не могутъ. Въ отвѣтъ на это Бухарцы дали залпъ и двинулись впередъ.

Казаки, составлявшіе конвой полковника Петрушев-

скаго, ошеломленные неожиданнымъ залпомъ, повернули было назадъ, но начальникъ кавалеріи, поскакавъ вслѣдъ за ними, успѣлъ остановить ихъ. Бухарцы стрѣляя подвигались впередъ весьма медленно.

Вскорѣ къ полковнику Петрушевскому подоспѣли еще двѣ казачьи сотни и, развернувшись по сторонамъ дороги, открыли частый огонь по наступающему непріятелю. Бухарцы, не выдержавъ огня, отступили и пальба съ нашей стороны была прекращена.

Въ то же время отъ партіи Бухарцевъ отдѣлился новый посланецъ Сейдъ-Музафара — сердаръ Нажмутдинъ-ходжа.

Подѣхавъ къ полковнику Петрушевскому, онъ объявилъ, что привезъ условія мирнаго договора, съ подписью и печатью эмира. Его тотчасъ представили командующему войсками, который, между тѣмъ, пользуясь прибытіемъ переговорщика, приказалъ войскамъ стянуться и сдѣлать привалъ.

Условія, привезенныя Нажмутдиномъ, были написаны на персидскомъ языкѣ съ примѣсью арабскихъ словъ, которыхъ никто изъ переводчиковъ въ отрядѣ не могъ понять. А изъ того, что съумѣли прочесть, оказалось, что условія эти вовсе не тѣ, которыхъ мы ожидали, а какія-то, передѣланныя эмиромъ по своему.

Въ присылкѣ посланца, съ передѣланными условіями командующій войсками видѣлъ только желаніе эмира задержать войска русскія, какъ можно долѣе, чтобы дать время своимъ войскамъ сильнѣе укрѣпиться и окончить устройство глубокаго наводненія, которое должно было затопить всю площадь между садами и чапанъ-атинскими высотами, гдѣ укрѣплялись бухарцы.

Поэтому, не прерывая переговоровъ, командующій войсками приказалъ отряду сняться съ привала и двинуться къ Зарявшану.

Посланецъ эмира, увидавъ наступленіе русскихъ войскъ, просилъ командующаго войсками не идти впередъ, но остаться на мѣстѣ привала, на что генералъ отвѣтилъ, что отрядъ остановится на берегу Зарявшана, такъ какъ стоять въ саду, окруженномъ непріятелемъ—не безопасно.

Отрядъ шелъ ускореннымъ шагомъ и командующій войсками вмѣстѣ съ Нажмутдиномъ-хаджею поѣхалъ къ авангарду.

Но вотъ, наконецъ сады кончались. Начиналось совершенно открытое, версты на три, поле, по которому, дробясь на арыки и рукава, бѣжалъ Зарявшанъ. За нимъ тянулись голыя высоты Чапанъ-ата—позиція бухарцевъ.

— Что-это? спросилъ командующій войсками, указавъ Нажмутдину на высоты, сплошь покрытыя массами пѣхоты и конницы, когда дымъ, заглубившійся послѣ перваго выстрѣла обнаружилъ мѣсто расположенія артиллеріи.

— Ничего! отвѣчалъ Нажмутдинъ-ходжа, народъ и войска вышли встрѣтить васъ и привѣтствовать впереди лучшаго своего города.

Въ это самое время, едва голова нашего авангарда показалась изъ садовъ, массы непріятельской конницы налетѣли на нее справа.

Но начальникъ нашей кавалеріи, подполковникъ Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя орудіями казачьей конной батареи и ракетною батареею,

атаковалъ непріятеля, оттѣснилъ его за рѣку, гдѣ остатки бухарской конницы попали подъ выстрѣлы своей же артиллеріи, которая, въ числѣ сорока орудій открыла огонь по нашимъ войскамъ, выходившимъ изъ садовъ. Снаряды непріятеля, падали далеко впереди нашихъ войскъ и не наносили намъ никакого вреда.

— И чего палать?—Сюда нешто хватить? Доловины не долетитъ, говорили солдатики, посматривая на стрѣляющія непріятельскія батареи.

— Напугать хотятъ, что пушекъ много.

— Пушекъ у нихъ до пропасти: вонъ, гляди во всѣхъ мѣстахъ палать...

А между тѣмъ, войска вытягивались изъ садовъ, развертываясь противъ непріятельскаго фронта, и дойдя до рукавовъ Зарявшана, остановились въ разстояніи полуторы версты отъ позиціи непріятеля.

Отсюда можно было ясно видѣть расположеніе противника. Всѣ высоты были сплошь покрыты густыми массами конныхъ бухарцевъ съ бунчуками и значками. Вдоль подошвы и середины высотъ, тянулась тонкою линіей пѣхота.

Въ центрѣ позиціи, на вершинѣ, стояло множество пестрыхъ шатровъ, обставленныхъ бунчуками. На флангахъ позиціи виднѣлись массы конницы. Большая часть орудій была сосредоточена въ центрѣ, а остальная ихъ часть помѣщалась на флангахъ позиціи.

Когда нашъ авангардъ занялъ указанные мѣста, командующій войсками объявилъ Нажмутдину-ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшія переговоры, то послалъ бы сказать бухарскимъ войскамъ, чтобы они очистили высоты.

Нажмутдинъ-ходжа, какъ-бы согласившись съ этимъ, послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, передать бекамъ волю командующаго войсками.

Прошло два часа, отвѣта не было; посланный не вернулся. А между тѣмъ, на высотахъ стало замѣтно какое-то движеніе; по временамъ начиналась палба пушечная и ружейная...

Съ нашей стороны тоже стали раздаваться одиночные выстрѣлы: солдатамъ не терпѣлось, да и устали они порядкомъ, а тутъ еще приходилось ждать на припекѣ... «идти-бы, да взять...» думалось солдатикамъ.

Но не одни солдаты желали скорѣе покончить съ Бухарцами; начальство и то тяготилось бездѣйствіемъ въ виду непріятеля.

Командующій войсками объявилъ Нажмутдину-ходжѣ, что прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно просилъ пощады, умоляя подождать еще нѣсколько времени; наконецъ, попросилъ позволенія поѣхать къ бекамъ, давъ слово, черезъ часъ очистить высоты.

Слѣдя все время за отѣхавшимъ посланцемъ, командующій войсками замѣтилъ, что когда тотъ переѣхалъ Зарявшанъ, къ нему подѣхали беки и сказавъ что-то, пустились вскачь во всѣ стороны непріятельской позиціи. Тотчасъ-же на высотахъ обнаружилось сильное передвиженіе войскъ: сарбазы, стоявшіе у подошвы высотъ, были усилены подкрѣпленіями; конныя массы спустились внизъ и стали за пѣхотою. Не прошло еще часового срока, даннаго Нажмутдину, какъ вдругъ Бухарцы открыли огонь изъ четырехъ орудій. Выстрѣлы были направлены въ командующаго войсками

и пять снарядовъ перелетѣло прямо надъ головой его, ударившись въ землю недалеко позади его штаба.

Солдаты наши нетерпѣливо ожидали начала дѣла. Начальникъ дѣйствующаго отряда, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области, генералъ-маіоръ Головачевъ, три раза подѣзжалъ къ командующему войсками, прося позволенія начать атаку; но только тогда, когда, минута въ минуту окончился срокъ, данный Нажмутдину-ходжѣ, командующій войсками сказалъ: «съ Богомъ!» и войска, открывъ непрерывную палбу, смѣло двинулись впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ батальоновъ, прикрытые цѣпью своихъ стрѣлковыхъ ротъ.

На правомъ флангѣ, между ротами 9-го батальона, слѣдовали два наѣзныхъ и два батарейныхъ орудія; на лѣвомъ, между ротами 5-го батальона, четыре батарейныхъ орудія.

Резервъ праваго фланга составляли: три роты 3-го батальона, двѣ—стрѣлковаго и рота авганцевъ.

Резервъ лѣваго фланга—три роты 4-го батальона и полурота саперовъ.

Общій резервъ составилъ изъ четырехъ казачьихъ сотенъ, съ четырьмя конными орудіями и ракетной батареей.

При обозѣ, построенномъ вагенбургомъ, остались: четыре роты 6-го батальона, два наѣзныхъ и два батарейныхъ орудія и полусотня казаковъ.

Генералъ Головачевъ лично повелъ эти войска на высоты, обративъ особенное вниманіе на овладѣніе правымъ флангомъ непріятеля, гдѣ пролегала кратчайшая

дорога къ Самарканду и гдѣ находились всѣ главные беки. Если бы удалось намъ заставить этихъ бековъ обратиться въ бѣгство,—за ними побѣждала бы и вся бухарская сила. Но чтобы развлечь нѣсколько силы неприятеля, надо было избрать еще одно мѣсто для атаки. По этимъ соображеніямъ, командующій войсками приказалъ атаковать, кромѣ праваго фланга, еще и центръ позиціи неприятеля, гдѣ была сосредочена пѣхота и находилась большая часть артиллеріи...

Слѣдуя этому приказанію, генераль Головачевъ направилъ войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, на правый флангъ неприятельской позиціи, а самъ, съ ротами 9-го, 3-го и стрѣлковаго батальоновъ, двинулся на центръ противника.

И вотъ, весь отрядъ закопошился, и двинулся къ высотамъ; быстро и весело шли солдатики, какъ вдругъ раздалась громкая команда «стой!» и роты первой линіи стали какъ вкопанныя.

— Перевязать сумки на шею, чтобъ не замочились! раздается снова команда.

Внизу, какъ разъ подъ ногами бѣжитъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ рукавовъ Зарявшана. Крутилась мутная вода; всякій сразу увидалъ, что рѣка быстра и сильна; но о глубинѣ ея судить было трудно. Роты, въ распоясанныхъ рубахахъ, съ сумками, притянутыми къ самой шеѣ, стояли, не трогаясь, на самомъ краю берега и смотрѣли внизъ.

— Коли глубоко—снесетъ: очень быстра.

— Тутъ мелко не будетъ. Ка-бы мелко, она сейчасъ бы объявилась... а тутъ гляди...

— Какъ-же не снести: ты въ нее вошелъ, сразу закрутить,—все слышнѣе и слышнѣе становился говоръ.

— Чего тутъ стоять-то? Хоть стой, хоть не стой, ей не убудетъ, съ стоянья-то. Все же идти доведется, разсердился было кто-то.

— Небось; тоже не перескочешь, зря-то. Поди, можетъ, тутъ и ходу нѣтъ вовсе, развѣ знаешь? возражали другіе.

— Снесетъ, снесетъ... Эка невидаль! настоящая Волга, тридцать саженей поперекъ! совсѣмъ ужъ сердито крикнулъ тотъ-же голосъ и къ берегу выступилъ плечистый солдатъ. Онъ поправилъ сумку на шеѣ, сдвинулъ потуже кепку на затылокъ, перекрестился, буркнулъ что-то себѣ подъ-носъ и спрыгнулъ въ воду.

— Утонули?!—презрительно оглянулся онъ назадъ.

Вода была ему по поясъ. Черезъ два шага онъ опустился по грудь; затѣмъ дно шло равно опускаясь къ серединѣ... И вотъ надъ поверхностью мутной воды остались только: кепка, часть затылка, шея съ чернымъ ремнемъ и ружье. Солдатъ шелъ не оборачиваясь, ковыляя ружьемъ и изрѣдка пуская правую руку по водѣ.

— Не сдержаться ему, слышалось на берегу.

— Не бось, сдержится, Гайкинъ не подгадитъ...

— А и ловкій тоже, этотъ Гайкинъ,—вотъ смѣлый солдатъ!

А тѣмъ временемъ, кепка все шла дальше и дальше. А вонъ, уже мельче пошло: Гайкинъ росъ надъ водою, наконецъ, налегъ руками на берегъ и поднялся. Цѣлые ручьи воды бѣжали съ него. Онъ постоялъ немного, словно переводя духъ, потомъ оглянулся назадъ и крикнулъ:

— Выше бери, лѣвѣя! другъ за дружку держись... Снесетъ... дуже быстро! Лѣвѣя! направлялъ онъ сходящихъ въ воду солдатъ. Потомъ убѣдившись, что все ладно, онъ посмотрѣлъ на ружье, на сапоги и вдругъ легъ на спину, задравъ ноги кверху.

— А малость, сволочь, не снесла... какъ, было, закрутила! толковалъ онъ самъ съ собою, пока роты шли по его слѣдамъ.

Рѣзко обдало холодной водой горячее тѣло, связали тяжелыя путы колѣни, зашумѣло кругомъ и по мѣрѣ того, какъ на груди все выше и выше подымалась холодная полоса, какая-то невидимая сила стала приподнимать ноги ото-дна, стараясь положить всѣхъ солдатъ на лѣвыя бока. Правыя руки крѣпко вцѣпились въ сосѣднія рубахи, а лѣвыя держали ружья надъ головами. По всей поверхности только и виднѣлись кепки да ружья и медленно, борясь съ потокомъ, двигались кепки впередъ.

— Вотъ такъ глубь!—это бѣда.

— Чего не бѣда, стоять не можно... такъ и валить на бокъ.

— Все галька; ка-бы не галька...

— Чего тянешь? не тяни зря!

— Держись!

— О проп... запнулся крайній солдатишка и по уши ушелъ въ воду.

— Держись, держись! крикнули ему сосѣди, но теченіе уже подхватило его: онъ окунулся еще разъ и сталъ кувыркаться, удаляясь внизъ по рѣкѣ.

— Поплылъ, собьеть...

— Выплыветъ этотъ...

Тутъ, мимо зашумѣло что-то сильное и лошадь съ двумя офицерами опередила роты. Какъ разъ позади лошади, барахтался солдатикъ; съ пистолетомъ въ рукѣ, съ сумкой на шеѣ и мѣднымъ горномъ подъ мышкой. Другой рукой онъ вцѣпился въ хвостъ и не зналъ, какъ ему быть: далеко держаться — хвостъ выскользнетъ, близко — лошадь убьетъ.

— Что ты дѣлаешь? крикнулъ ему офицеръ.

— Не здерзался, ваше благородіе! жалостнымъ, несчастнымъ голосомъ едва выговорилъ горнистъ.

Но вотъ наконецъ и другой берегъ. Вылезли солдаты на берегъ, да и позадрали ноги кверху, чтобы вылить изъ сапоговъ воду. Тутъ дали людямъ вздохнуть немного.

Тронулись дальше; вдругъ, на горѣ выросъ густой, сжатый клубокъ бѣлаго дыма, и черезъ секунду рѣзко рывкнуло ядро надъ головами, шлепнулось гдѣ-то сзади. Всѣ головы невольно, безотчетно пригнулись и потомъ стали подыматься какъ-то нерѣшительно, озираясь кругомъ.

— Вотъ тебѣ и не долетаютъ! сказалъ кто-то.

— Она, братъ, долетитъ! пояснилъ другой, еще какъ долетитъ-то!

— Но вотъ слѣва выросъ новый дымокъ и ядро опять рывкнуло надъ головами, которыя опять отвѣсили поклоны.

— Что вы, дурачье, кланяетесь! крикнулъ вдругъ одинъ изъ ротныхъ — кланяться нечего: то ядро, что реветъ, поверхъ головы летитъ, — ему кланяться поздно.

Но не сразу сообразили солдатики, какъ это такъ

идти противъ ядра да не присѣсть, когда, такъ вотъ и слышишь, что оно въ тебя летитъ. Однако скоро стали они привыкать къ звуку летящаго ядра и даже поругивали тѣхъ, кто не могъ еще свыкнуться съ этой музыкой.

— Чего башкой киваешь? отъ того, братъ, не упадешься, что въ тебя летитъ. А это—ежели реветъ—ты его сейчасъ услыхалъ только, а оно вонъ ужъ гдѣ... Это хоть кланяйся, хоть нѣтъ—оно не помикуетъ. Все Божье велѣніе.

Передъ нашими войсками растилались теперь вплоть по подошвы высотъ рисовыя поля. Рисовыя поля—нарочно передъ посѣвомъ затопляются водою, которая и стоитъ на нихъ все лѣто, стало быть, рисовыя поля—это огромнѣйшія болота съ такой глубокой, вязкой тиной, что даже рѣдкій охотникъ рѣшится забраться въ нихъ. Но видно не для русскаго солдата непроходимы эти топи, непролазны эти болотины. Дошли солдаты до полей, даже не посмотрѣли, что тутъ такое, перешагнули черезъ межи и пошли тѣмъ же «прямымъ трахтомъ», какъ шли раньше.

Зашлепали, зашагали ноги по грязи, стали тонуть и вязнуть въ тинѣ, спотыкаться, развѣзжаться, но все-таки шагали. Прошли поля, дошли до другаго рукава рѣки поправили сумки на шеѣ и вошли въ воду. Воды было не выше пояса, но за то переправа шла подъ выстрѣлами: въ воду то и дѣло шлепались снаряды подымая кучу брызгъ и заставляя солдатъ торопиться выбраться изъ этого мѣста.

— Пошелъ, пошелъ! Рота, стройся! Живо, живо! хлопотали командиры.

И вотъ люди бѣгомъ выбирались изъ воды и строились на ходу, а непріятель все палитъ и палитъ, до него ужъ не далеко...

Вотъ роты 9-го батальона подъ начальствомъ подполковника Назарова, атаковали сарбазовъ и артиллерію центра, а роты 3-го стрѣлковаго батальоновъ, съ подполковникомъ Барановымъ, кинулись на лѣвый флангъ позиціи Бухарцевъ, поражавшихъ наши войска артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ съ фланга.

Все бойчѣе становился шагъ и чаще сыпалась стрѣльба въ гору. Не мало народу позавязло, отстало сзади, но колонны шли на проломъ, прямо грудью на бухарскую цѣпь, на пѣхоту, на конницу, на пушки, на всю гору...

— Погоди ужъ, доберусь я до тебя, дай срокъ! должно быть прочитала бухарская цѣпь на лицахъ напиравшей на нее кучки бѣлыхъ рубахъ, и чуть-чуть осадила назадъ.

Движеніе приняли выше, потомъ что-то завозилося еще выше, около пушекъ...

— Пушки бросаютъ, братцы! Смотри, вонъ, пушки бросаютъ! крикнулъ кто-то.

Всѣ взглянули вверхъ.

— Урра! а! покатилося вдругъ само собой изъ всѣхъ грудей и солдаты побѣжали къ высотамъ.

Вся гора задвигалась, вся гора какъ-то глухо завывала и стала очищаться снизу.

— Ура! ура! раздавались новые крики сзади.

Халаты, лошади, телѣги, копы, ружья, все зашаталось и поплыло кверху: будто изъ-подъ тумана очищалась передъ войсками нашими гора...

Непріятель бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 21 орудіе.

Всюду на горѣ валялись брошенные бухарцами вещи: тутъ лежалъ халатъ, подальше одѣяло, растеряны галоши, сапоги; валялись поломанныя ружья, патронташи и проч. Вдали цѣлыя массы народа тянулись къ городу; тамъ и сямъ, ближе, брели одиночки пѣшіе, кто съ ружьемъ, кто съ палкой, кто съ пустыми руками.

Солдаты разсыпались широкою цѣпью по флангамъ передовой колонны и шли безостановочно, впередъ, преслѣдуя непріятеля и иногда посылая въ отсталыхъ пули.

Бритыя головы зло, испуганно оглядываются и опускаютъ на перевѣсъ свои мултуки. Вотъ противъ, лицъ вспыхиваютъ дымки и пули летать надъ головами солдатъ.

— Ахъ, брита сволочь! еще на-ка, поди— палятъ, разсердились солдаты, но усталость не позволяла имъ ни догнать, ни прицѣлиться въ нихъ вѣрно.

Но не всѣ однако удирали отъ насъ. Наша цѣпь нашла на такихъ, у которыхъ не хватило храбрости бѣжать и они залегли въ овражкахъ, въ ямкахъ, надеясь, что ихъ не замѣтятъ.

Одинъ солдатъ остановился передъ ямкой, гдѣ лежалъ притаившійся бухарецъ.

— Что нашель? крикнули ему.

— Бухарца—никакъ живой, отвѣчалъ тотъ, взявъ на изготовку.

— На что? онъ раненый, не бей...

Въ это время изъ ямки вылетѣлъ выстрѣлъ. Пуля прошла мимо солдата. Тотъ приложился и въ новомъ дыму закружился халатъ...

— Ишь ты какъ притаился, ровно мертвый! сказалъ

солдатъ, и новая пуля, въ упоръ, покончила движеніе «халата».

Потянулись далѣе.

Между тѣмъ, пока войска наши двигались къ высотамъ, конныя массы Бухарцевъ кинулись на обозъ. Съ криками «уръ!» «уръ!» нѣсколько разъ они подсекали къ вагенбургу, но огонь пѣхоты и артиллеріи, прикрывавшей обозъ, каждый разъ разгонялъ ихъ.

Резервъ нашъ, во все время сраженія оставался на мѣстѣ, готовый подать помощь и отряду, и вагенбургу.

Въ началѣ шестаго часа, значки нашихъ войскъ развѣвались на «муллушкѣ» св. Чапана *); въ то же время здѣсь палъ послѣдній защитникъ высотъ Чапанъ-ата. Храбрецъ этотъ забрался въ муллушку и, не смотря на отступленіе своихъ, рѣшился одинъ отстаивать святыню. Когда роты 9-го и стрѣлковаго батальоновъ и аваганцы подошли къ муллушкѣ, и генераль Головачевъ водрузилъ тамъ свой значекъ, въ муллушку вошелъ начальникъ джигитовъ, капитанъ бар. Р., чтобы осмотрѣть ее внутри. Увидѣвъ тамъ безоружнаго сарта, и желая спасти его отъ нашихъ пуль и штыковъ, капитанъ сказалъ ему, по ихнему: «поди сюда, любезный»; но не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ защитникъ святыни швырнулъ въ него камнемъ и, сдѣлавъ промахъ, бросилъ еще лампадой, которая попала въ лицо бар. Р. Облитый масломъ лампады, бар. Р. выскочилъ изъ муллушки, въ которую тотчасъ бросились солдаты и штыками уgomонили защитника.

Командующій войсками, все время слѣдовавшій за

*) Муллушка—родъ часовни; построена здѣсь въ честь св. Чапана покровителя пастуховъ.

лѣвымъ флангомъ, видя разсѣяніе непріятеля, направился къ войскамъ праваго фланга, съ трудомъ перебираясь черезъ арыки и рисовыя поля. Здѣсь командующій войсками лично могъ убѣдиться, какъ мало вреда причинили наши выстрѣлы непріятелю и что слѣдовательно, причиною быстраго отступленія Бухарцевъ былъ вовсе не огонь нашихъ орудій и стрѣлковъ, но рѣшительное и смѣлое наступленіе нашихъ войскъ, молодецки поборовшихъ всѣ препятствія, встрѣченныя ими на пути къ непріятельской позиціи. Бухарцы были поражены, что русскіе проходятъ мѣста, которыя они считали непроходимыми. Они были такъ увѣрены, что мы окажемся не въ силахъ одолѣть ихъ на этой крѣпкой позиціи, что когда одинъ дервишъ, которому приснилось, что обрушились два минарета мечети Тамерлана, рѣшился предсказать старшему сыну Эмира, что предстоящая битва окончится пораженіемъ бухарскихъ войскъ, то Ката-Тюра велѣлъ ему отрубить голову.

И вотъ, эта-то увѣренность поколебалась, когда русскіе стали переправляться черезъ рукава Зарявшана; далѣе, бѣлыя рубахи стали подаваться въ гору смѣло, не обращая вниманія на бухарскую стрѣльбу... и колебавшаяся увѣренность въ побѣдѣ обратилась въ страхъ; а страхъ былъ такъ великъ, что Бухарцы очистили высоты раньше, чѣмъ бѣлыя рубахи успѣли до нихъ добраться.

Громкое «ура» привѣтствовало командующаго войсками, когда онъ подъѣхалъ къ войскамъ праваго фланга, выстроеннымъ у мулушки св. Чапана.

Поздравивъ войска съ побѣдою, командующій войсками поѣхалъ на лѣвый флангъ.

Здѣсь красовалась большая палатка Ширъ-Али-Бека и до тридцати другихъ разноцвѣтныхъ палатокъ съ обычнымъ убранствомъ: одѣялами, подушками, коврами, самоварами, чайниками, кальяномъ, лепешками, изюмомъ, урюкомъ, фисташками; тутъ же лежало множество книгъ Корана. Возлѣ палатокъ лежали кучи халатовъ, галошъ, чиговъ, дженушки и ячменя. По всему этому можно было догадаться, что непріятель вовсе не рассчитывалъ быть побѣжденнымъ.

Поздравивъ съ побѣдою войска лѣваго фланга, командующій войсками приказалъ расположить отрядъ на ночлегъ. Обозъ съ своимъ прикрытіемъ остался до утра на мѣстѣ вагенбурга, такъ какъ съ наступленіемъ сумерекъ, опасно было начинать переправу.

Сумерки не дали намъ возможности посмотрѣть въ этотъ день Самаркандъ.

Потеря наша въ этомъ бою, 1-го мая, на Чапанъ-атинскихъ высотахъ была не велика: ранено 3 оберъ-офицера (поруч. Губинъ—тяжело; поруч. Покровскій и подпор. Сырохватовъ—оба легко); нижнихъ чиновъ ранено 28; контужено: 1 лекарь и 6 нижнихъ чиновъ; убито: нижнихъ чиновъ 2 — одинъ изъ нихъ, юнкеръ стрѣлковаго баталіона К. Новаковскій. Рота авганцевъ такъ же имѣла потерю, но не смотря на то, увеличилась въ своемъ составѣ: къ ней присоединились авганцы, передавшіеся съ бухарской стороны.

Едва къ девяти часамъ вечера, когда знойный день смѣнила сырая и холодная ночь, усталый отрядъ расположился на указанныхъ мѣстахъ. Давно желанная команда «составъ», раздалась ровно черезъ двадцать ча-

совъ, послѣ того, какъ отрядъ взялъ ружья на ур. Ташъ-купрюкъ.

Такъ кончился день 1-го мая.

ГЛАВА II.

Бивакъ на Чапанъ-ата. — Одно одѣяло на всю роту. — Нашица. — Подъемъ. — Прибытіе посланныхъ изъ Самарканда. — Занятіе города. — Тронъ Тамерлана. — ухарская пушка. — Прибытіе глазныхъ силъ. — Запрещеніе барантовать. — Возвращеніе жителей. — Приемъ у командующаго войсками. — Раздача медалей. — Назы-Келянъ. — Приказъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда, отъ 4-го Мая 1868 года.

Было уже совершенно темно, когда войска стали на мѣста. Привыкшій къ темнотѣ, глазъ едва различалъ предметы на нѣсколько сажень; далѣе все смѣшивалось и только линія рѣдкихъ огней вдоль гребня Чапанъ-атинскихъ высотъ указывала расположеніе отряда.

Первая забота усталыхъ, голодныхъ, продрогшихъ въ мокрой одеждѣ людей, была, конечно, о томъ, какъ-бы пообогрѣться, да перекусить чего нибудь. Но всѣ мѣшки, *) вѣстѣ съ шинелями, были оставлены тамъ, далеко внизу, на той сторонѣ рѣки, и все имущество солдатское состояло изъ однихъ патроновъ. Уныло усѣлись побѣдители на голую землю и принялись горевать, что даже табачку покурить нельзя, потому что на двухъ переправахъ—все подмокло.

Припалъ голодный людъ къ землѣ и велъ вялые разговоры о подробностяхъ только что кончившагося

*) Въ Туркестанѣ, войска, вѣсто ранцевъ, снабжены холщевыми мѣшками.

дня. Въ разказахъ только и слышалось, что тотъ завязъ, другой измокъ, третій усталъ и свалился.

— А вотъ, какъ ежели завтра городъ брать станемъ—не того еще увидимъ—пострадалъ кто-то.

Мимо, то идѣло ходили люди, отыскивая свои части.

— Третій батальонъ тутъ что-ли? слышался иногда громкій вопросъ подходящаго отсталаго.

— Нѣтъ, тута, нѣтъ! Не сразу отвѣчаютъ ему.

— Гдѣ-жь онъ? Какъ молъ, пройди-то къ нему?

— А мы и сами незнаемъ... вонъ иди правѣе, тамъ казаки стоятъ, скажутъ, говорилъ кто-нибудь нехотя, вовсе не заботясь о томъ, какъ пойметъ это *правѣе* заплутавшійся землякъ.

— Не разберешь ничего... «Иди правѣя», — передразнивалъ недовольный отвѣтомъ землякъ и тащился далѣе отыскивать третій батальонъ.

«Свѣжій сырой вѣтеръ дулъ съ рѣки», рассказываетъ очевидецъ и участникъ этой экспедиціи, «а мы были въ однѣхъ мокрыхъ рубахахъ, мокрыхъ штанахъ и мокрыхъ сапогахъ. Укрыться было нечѣмъ. Къ нашимъ услугамъ была только одна голая мать-сыра-земля».

«Посидѣли, поболтали кое-о чемъ, да такъ, безъ всякихъ хлопотъ и легли тамъ гдѣ сидѣли, подложивъ кулаки и патронныя сумки подъ головы. Крайнѣе утомленіе взяло свое.... могучій сонъ обнялъ походнаго человѣка.

А свѣжій вѣтерокъ все дулъ да дулъ: все глубже забирался холодъ къ спящимъ людямъ.

Я проснулся. Меня трясло словно въ лихорадкѣ спать не было возможности.... Оставалось встать и бродить;

въ надеждѣ гдѣ нибудь найти какое ни на есть приспособленіе для спанья».

«Недалеко отъ меня тускло свѣтился огонекъ. Я пошелъ туда и наткнулся на спящихъ солдатъ. Ихъ было человекъ пятнадцать. Всѣ они лежали на землѣ приютившись какъ кому ловче; но на всѣхъ ихъ наброшено было два старыя одѣяла, подобранные на дорогѣ. Обѣ эти тряпицы, поминутно ѣздили съ мѣста на мѣсто. Продутые вѣтромъ солдаты просыпались, поднимали головы, усматривали завѣтное одѣяло и тащили его къ себѣ. Какъ только они попадали подъ ваточную тряпицу, какъ только имъ удавалось укрыться отъ вѣтра, они тотчасъ засыпали крѣпчайшимъ сномъ. Но вотъ поднимаются новыя головы, тянутся руки и одѣяло ѣдетъ въ другую сторону»...

— Ишь черти, куда стянули одѣяло-то... ворчить чей то голосъ и тряпица подвигается въ его сторону.

— Н...н... тянетъ сонный, черезъ голову котораго проѣзжаетъ одѣяло.

— Госп...пом... Господи... помилуй бормочутъ рядомъ. Поднимается голова, вглядывается кругомъ и подергиваетъ съ холоду плечами.

— Я смотрю, что холодно—дьяволы! отколь набрались! вся рота подъ одно одѣяло сбилась. А небось нести никому небыло охоты, ругался какой-то солдатъ, видимо заявляя свои права, на ватное тряпье и, перекинувшись черезъ троихъ, грубо потащилъ одѣяло на себя. Сосѣди поправились, промычали что-то отъ удовольствія, почувствовавъ тепло и умолкли.

— «Вота!—подъ одѣяломъ спать,» остановился надъ ними вновь подошедшій солдатъ; подъ одѣяломъ-то

ладно, рассуждалъ онъ, и не долго думая сталъ прилаживаться съ того края, гдѣ было одѣяло. Онъ потянулъ его на себя... «Это—не то, какъ на открытомъ вѣтру,» объяснилъ онъ самъ себѣ, натянулъ одѣяло и успокоился.

Но вотъ на другомъ краю уже возится народъ... видно не суждено одѣялу лежать спокойно!

Такъ перебивались солдатики эту ночь. Но прошла она, стало свѣтать, горнисты съиграли «зорю» и стали ночлежники подыматься одинъ за другимъ, и бродили пасмурные, съ красными лицами, ежились, ругались, рассказывая другъ другу, какъ скверно-холодно провели ночь.

— Видно братъ, полроты подъ ваточнымъ-то одѣяломъ не то, что съ хозяйкой подсмѣялись солдаты надъ собою, вспоминая исторію съ одѣяломъ.

Вдругъ разнеслось извѣстіе, что въ какую-то роту, ночью пріѣхала ротная телѣга съ кухней, и варили обѣдъ.

И дѣйствительно, вскорѣ приказали идти за кашей.

Возлѣ козелъ появилось нѣсколько чашекъ съ полусѣрой кашницей и поднялась хлопотня: чѣмъ ее ѣсть: ложекъ сохранилось не болѣе, какъ одна на десяти-рыхъ. Усѣлись солдаты потѣшенѣе вокругъ чашекъ, съ парой ложекъ на всю кучу. Прошлись по разу, обжигая губы и языки.

Сырая кашница-то, замѣтилъ одинъ.

— Горячо, сыро не живетъ,—не постоялъ другой за отвѣтомъ и занесъ ложку—чтобъ начать другой кругъ.

Въ эту минуту ударили «подъемъ».

Поднялась суета и бѣготня. Одни торопились по-

строиться, другіе, получить свѣжій запасъ патроновъ отъ капральнаго. Офицеры искали своихъ лошадей. Нѣсколько солдатъ бѣгомъ, лупили съ чашками къ ротной телѣгѣ.

Какой-то солдатикъ силился на бѣгу зачерпнуть еще одну ложку недоѣденной каши.

— «Какой ужъ тутъ обѣдъ», ворчали солдаты ставъ въ ружье, «когда двѣ ложки на капральство».

— «Я только губы и обжегъ кашицей-то, а тутъ ужъ и подъемъ съиграли».

— «А Жохинъ, хошь на бѣгу, а все же ложечку раздобылся» — встрѣтили солдата облизовававшего ложку.

— «Нельзя же братецъ: принесли съ кухни пробу, а я и скусу не знаю», нарочно лишній разъ лизнулъ Жохинъ ложки.

— «Что-же, скусна-ли?»

— «Нѣтъ, не понравилась, велѣлъ изъ котла на земъ вылить: у меня, братъ, такой пищей солдатъ кормить не приказано. Дежурному, да артельщику тоже влетѣло за это отъ меня для праздника...»

Рота захохотала.

— «Тише, вы лѣшіе...»

— «Смирно!» раздалась команда и черезъ секунду вчерашніе мерзляки и сегодняшніе голодные балагурщики, стали серьезными строгими, солдатами.

Батальонъ, справа по отдѣленіямъ, двинулся на Самаркандскую дорогу.

Быстрое снятіе отряда съ бивака по тревогѣ объявлялось слѣдующимъ событіемъ.

Еще на разсвѣтъ 2-го мая, къ командующему войсками явились высшіе сановники Самарканда съ прось-

бою принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ подданство «Бѣлаго Царя». Каты-аминъ, главный изъ сановниковъ, жаловался, что народъ страдаетъ отъ своеволія бековъ эмира и съ радостью ожидаетъ прихода Русскихъ, которыхъ считаютъ своими избавителями; онъ объявилъ также, что жители заперли ворота и не впустили въ Самаркандъ войска, бѣжавшаго съ Чапанъ-атинскихъ высотъ. Глава самаркандскаго духовенства прибавилъ съ своей стороны, что духовенство города будетъ молить Бога, какъ о дарованіи побѣды и славы Русскому оружію, дѣйствующему на защиту угнетенныхъ, такъ и о дарованіи здоровья и благополучія великому Бѣлому Царю, если онъ не откажется принять ихъ въ число своихъ подданныхъ.

Просьба эта была такъ неожиданна, такъ не правдоподобна, что командующій войсками не рѣшился повѣрить бухарцамъ; но однако, выразивъ согласіе принять Самаркандъ подъ свое покровительство, послалъ часть посольства въ городъ съ предложеніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди всѣхъ племенъ, населяющихъ Самаркандъ, собрались впереди городскихъ воротъ для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Глава духовенства Казы-Келянъ, и старшій аксакаль Каты-аминъ были оставлены въ лагерь для сопровожденія отряда.

Часовъ въ 7 утра, когда командующій войсками оканчивалъ осмотръ раненыхъ и пробу только что изготовленной въ нѣкоторыхъ ротахъ пищи, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою просьбою, поспѣшить вступленіемъ въ Самаркандъ, такъ какъ къ

полудню онъ можетъ быть занятъ 20-ю тысячами шагрисябцевъ, наступающихъ на городъ съ юга.

Командующій войсками приказалъ ударить тревогу и войска, собравшіеся было поѣсть кашицы, двинулись, какъ выше было сказано, къ Самарканду.

Авангардъ состоялъ изъ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго батальоновъ, 4-хъ наръзныхъ орудій и сотни козаковъ.

5-ый и 4-ый батальоны, батарейная батарея, казаки и конный артиллерійскій дивизионъ, подъ начальствомъ полковника Абрамова, остались на высотахъ, въ ожиданіи прибытія обоза и соединенія съ арріергардомъ, все еще остававшимся на прежнемъ мѣстѣ, за рукавомъ Зарявшана.

Пройдя версты полторы по дорогѣ, пролегающей по скатамъ чапанъ-атинскихъ высотъ, авангардъ вошелъ въ сады и слѣдовалъ, на протяженіи двухъ верстъ, по пересѣченной мѣстности, съ такими выгодными закрытіями что въ нихъ могли помѣститься всѣ бухарскія скопища, бѣжавшія на канунъ съ высотъ, и встрѣтить нашъ авангардъ убійственнымъ огнемъ.

Къ счастью, опасенія наши оказались напрасными, на всей этой мѣстности авангардъ не встрѣтилъ ни одного непріятельскаго солдата.

Выйдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго батальона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, отдѣлявшую сады отъ города. Третья рота заняла ворота Шейхъ-Зинде; вторая слѣдовала дальше. Полувзводъ стрѣлковъ третьей роты быстро выстроился на вершинѣ воротъ Шейхъ-Зинде, и когда Генералъ Кауфманъ подъѣхалъ къ воротамъ, то встрѣтилъ его дружнымъ «ура»!

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторонамъ этихъ воротъ, пали ницъ, и поднесли побѣдителю хлѣбъ-соль и повторили просьбу Казы-Беляна и Каты-амина о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь отъ воротъ Шейхъ-Зинде, черезъ базаръ, до воротъ цитадели, былъ уставленъ по сторонамъ самаркандцами. Они встрѣчали русскихъ съ такою непритворною радостью, словно встрѣчали самыхъ близкихъ, давно желанныхъ пріятелей. И старый и малый—всѣ низко кланялись и дружелюбное «аманъ» слышалось безпрерывно со всѣхъ сторонъ.

Подъѣхавъ къ воротамъ цитадели, командующій войсками былъ снова встрѣченъ дружнымъ «ура»! стрѣлковъ, поставленныхъ на вершинѣ этихъ воротъ.

Цитадель была пуста; на всемъ пути, до дворца эмира не было ни души.

Третье «ура»! встрѣтило командующаго войсками у трона Тамерлана...

Такъ-то, древнѣйшій и значительнѣйшій городъ Средней Азіи,—Самаркандъ, отворилъ ворота храбрымъ войскамъ нашимъ.

Самымъ замѣчательнымъ трофеемъ былъ тронъ Тамерлана. Это былъ правильно обтесанный кусокъ бѣлаго мрамора съ синими жилками. На немъ, со временъ Тамерлана, возсѣдали повелители правовѣрныхъ, при возшествіи на престолъ. Дворецъ эмира былъ обобранъ до чиста; кромѣ глиняныхъ тазовъ, да оконныхъ рамъ съ битыми стеклами, въ немъ не нашлось ничего. Зато въ цитадели, было найдено огромное количество патроновъ, пороху, снарядовъ и два орудія.

Множество солдатъ столпилось подъ навѣсомъ, гдѣ были брошены старыя негодныя пушки, кучи ядеръ и одна неповоротная гаубица на лафетѣ ужасныхъ размѣровъ.

— Вотъ такъ пушка! остановились передъ ней изслѣдователи.

— Это мортира, — прихвастнулъ кто-то своими познаніями въ артиллеріи.

— Мортира на станкѣ, а эта на колесахъ, — поправилъ кто-то.

— Вотъ бы зарядить, да выпалить — такъ рывкнетъ!

— Когда-же не рывкнетъ — вонъ у ней пасть-то какая...

— Да изъ нее и стрѣлять нельзя: ишь они ее тутъ на дворѣ и оставили... Она у нихъ такъ, для виду была, въ родѣ, какъ у насъ въ Москвѣ царь-пушка, вставилъ москвичъ какой-то.

— А теперь, выпали изъ нея — она вся разсыпится, — поддержали москвича.

И долго еще слышались подъ навѣсомъ разсужденія о боевыхъ качествахъ Самаркандской царь-пушки.

Къ вечеру прибылъ въ городъ полковникъ Абрамовъ съ главными силами и арріергардомъ, которыя, вмѣстѣ съ 9-мъ батальономъ, были расположены на открытой площади за городомъ, по бухарской дорогѣ, впереди бухарскихъ воротъ цитадели.

Въ цитадели размѣщены были 3-й батальонъ, 4 орудія сотня казаковъ и рота авганцевъ.

Обозъ прибывалъ медленно; часть его присоединилась къ отряду только 3-го числа вечеромъ, такъ что часть отряда была все это время «на легкѣ», въ од-

нѣхъ рубашкахъ, безъ сухарей, безъ обоза, безъ кухни, безъ посуды. Все ихъ достояніе составляло бухарское наслѣдство. Но бухарцы, надѣливъ насъ тряпьемъ, нѣсколькими кувшинами, вовсе не позаботились о нашемъ столѣ. А между тѣмъ было отдано строжайшее приказаніе, чтобы ни одна вещь въ городѣ не была тронута войсками.

— Барантовать даже, чтобы ни, Боже мой — не приказано, отнюдь не смѣть — повторяли солдаты переданное имъ приказаніе начальства, и даже выходить никто не могли, а ежели увижу...

Не такъ разсуждали солдатскіе желудки, уже второй день не видавшіе пищи; но народъ не унывалъ, не падалъ духомъ, еще надъ своей же бѣдой подтрунивалъ.

— Такъ, стало быть, при этомъ, при самомъ и останетесь?

— Все при томъ же, при провіантѣ...

— Городъ то взяли, а куда дѣвать не знаемъ. Видно, куда солдата не опредѣли, а у него все одинъ сигналъ въ брюхѣ играетъ: «бери ложку, бери бакъ, нѣту хлѣба — иди такъ»!

— Хожу я, да думаю, братцы: съ чего такъ ужасно жрать охота!

— Кажись только два дня не ѣлъ, а и терпѣть даже нельзя.

— Какъ народъ-то избаловался!...

— Поскаль, а ты зубы-то, поскаль — сразу отъ брюха оттянетъ! Присовѣтовалъ кто-то балагурщику...

— Послать трехъ человѣкъ къ дежурному по батальону, за коровой сходить! раздалось приказаніе и

балагурщикъ, съ двумя товарищами, бѣгомъ пустился добывать корову.

Между тѣмъ жители окрестностей Самарканда, бѣжавшіе при появленіи Русскихъ, стали возвращаться домой, такъ какъ отъ командующаго войсками имъ была обѣщана полная безопасность. И вотъ, со всѣхъ окрестныхъ деревень, ежедневно стали являться къ командующему войсками выборные съ дарами, и съ изъясненіемъ покорности; а командующій войсками отдавалъ ихъ бархатными или шелковыми халатами.

3-го числа, командующій войсками принималъ представителей свѣтской и духовной власти города.

Духовенство, аксакалы благодарили генерала за милостивое принятіе города подъ защиту Бѣлаго Царя, за доброту войскъ, неграбившихъ ихъ жилищъ, обѣщали внушить народу чувства благодарности и преданности Акъ-пашѣ *), прося при этомъ, объ освобожденіи жителей отъ натуральныхъ повинностей, и въ особенности отъ военной службы.

Командующій войсками, одаривъ всѣхъ халатами роздалъ старшимъ сановникамъ, отъ имени Государя серебрянныя медали.

Первая медаль была предложена Казы-Келяну. Онъ совершенно растерялся, сталъ благодарить за честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ извиняться, что принять и носить медали не можетъ, потому что народъ будетъ указывать на него пальцами, какъ на отступника.

— «Таксыръ» сказалъ онъ командующему войсками, «прикажи мнѣ снять голову, но избавь отъ медали»!

*) т. е. Бѣлому Царю.

— Хорошо, отвѣчалъ ему генералъ, я разрѣшаю тебѣ не носить медали на халатѣ, снаружи; но я хочу чтобы ты оставилъ ее себѣ, и носилъ на сердцѣ, сохраняя въ памяти портретъ великодушнаго добраго Бѣлаго Царя, въ державѣ котораго находятъ благоденствіе много милліоновъ мусульманъ; который никому не отказываетъ въ защитѣ, въ покровительствѣ, въ правѣ сохранять свою вѣру и исполнять свои религиозные обычаи. Не самъ-ли ты такъ недавно просилъ меня принять и Самаркандъ подъ защиту Бѣлаго Царя?»

Послѣ этого, Казы-келянъ просилъ дать ему медаль сказавъ, что онъ всегда будетъ носить ее на сердцѣ. Впослѣдствіи, при всякомъ представленіи, онъ показывалъ командующему войсками свою медаль, вынимая ее изъ маленькаго кармана, пришитаго на бешметѣ противъ сердца.

Всѣ другіе старшины города приняли медали съ радостью и благодарностью и всегда носили ихъ на своихъ халатахъ.

Между тѣмъ, въ городѣ водворилось полное спокойствіе; 3-го числа сарты открыли базаръ у самаго лагеря, а 4-го всѣ лавки въ городѣ были открыты и жизнь городская пошла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Казалось, все шло отлично. Никто не сомнѣвался что экспедиція окончена однимъ молодецкимъ ударомъ въ штыки, однимъ рѣшительнымъ движеніемъ на неприступныя высоты Чапанъ-ата.

Командующій войсками, весьма довольный поведеніемъ войскъ, 4-го числа, отдалъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда слѣдующій приказъ:

«Войска, собранныя для дѣйствія въ бухарскихъ предѣлахъ! Внезапно поднялись вы съ своихъ квартиръ, быстро собрались въ Ключевомъ и Яны-курбанъ. Вы были веселы; у васъ былъ порядокъ; я любовался вами.

«Отъ Яны-курбана, въ два дня, прошли вы почти 70 верстъ.

«На самаркандскихъ высотахъ, непріятель хотѣлъ запереть вамъ дорогу. Сильна была его позиція; но васъ она не остановила. Подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, прошли вы болото и молодецки бросились на высоты. Непріятель бѣжалъ, оставивъ въ вашихъ рукахъ 21 орудіе.

«Окруживъ васъ со всехъ сторонъ, непріятель пытался нанести вамъ вредъ въ обозѣ; но и тутъ встрѣтилъ дружный отпоръ.

«На другой день, Самаркандъ отворилъ вамъ ворота. Вы видѣли, съ какою радостью и съ какимъ довѣріемъ встрѣчалъ васъ народъ на улицахъ. Ваша сила, ваша честь побѣдила гордыхъ мусульманъ, и они, безъ выстрѣла, отдали знаменитѣйшій свой городъ.

«Спасибо вамъ, отъ мала до велика! Вы вели себя такъ, какъ я ожидалъ; свято и честно исполнили вы долгъ и присягу Государю Императору. Съ такими войсками, какъ вы, вездѣ побѣда и торжество! Ура! вамъ, молодецкія войска!»

А. Г.—ъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

МОРСКАЯ ЖИЗНЬ,

на военномъ суднѣ, во время плаванія.

На благоустроенномъ военномъ кораблѣ все совершается по разѣ заведенному порядку и отношенія служащихъ другъ къ другу, равно и каждого изъ нихъ къ морскому дѣлу,—довольно точно обусловлены морскимъ уставомъ, а отчасти и обычаями.

Уставъ—это душа корабельной жизни; безъ него все-бы распалось и пошло прахомъ.

Можно смѣло сказать: чѣмъ строже соблюдаются морской уставъ и обычаи, выработанные морской жизнью, тѣмъ лучше. Служба, при этомъ, для отдѣльнаго лица становится возможнѣе, исчезаетъ произволъ и капризы; да и успѣшнѣе достигаются результаты службы самаго корабля (какъ цѣлаго организма), въ бою напимѣрь, или (какъ маленькаго государства) когда онъ плаваетъ отдѣльно гдѣ нибудь, далеко, на краю свѣта.

Точный и подробный уставъ тѣмъ болѣе необходимъ, что немногіе изъ военныхъ моряковъ обладаютъ той выдержанностью и привычкой къ морю, которая свойственно «морскимъ волкамъ».

Правда, у насъ, напимѣрь, въ русскомъ флотѣ, тотъ же покойный адмиралъ Нахимовъ былъ дѣйствительно

802-18
233

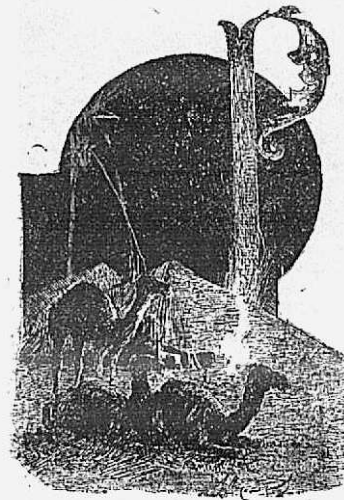
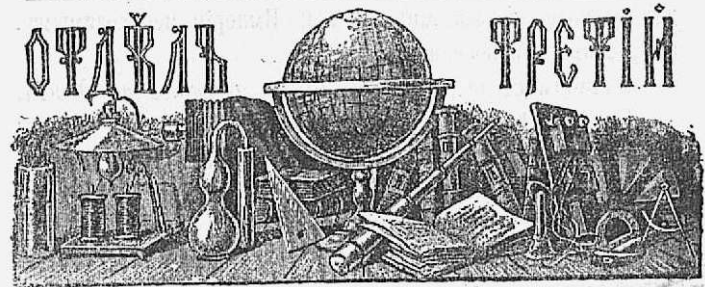
ИЗДАВАЕМЫЙ
СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
ЖУРНАЛЪ
ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ X.
ОКТАБРЬ.
1905 г.

58-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная улица, № 12, собств. д.
1905.

Географія Россіи.

Средняя Азія.

УССКОЕ государство одно изъ самыхъ огромныхъ въ мірѣ. Не мудрено поэтому, что его населяетъ много различныхъ народностей, жизнь которыхъ, особенно на окраинахъ государства, иногда сильно отличается отъ жизни коренного населенія внутри страны.

Случай можетъ каждого изъ подданныхъ нашего отечества забросить на любую окраину (кого назначаютъ туда на службу, кого посылаютъ въ командировку, а кто и самъ по собственному желанію переселяется туда на жительство или вообще любитъ и имѣетъ возможность всюду путешествовать). Поэтому, нѣкоторое предварительное знакомство съ особенностями жизни окраинъ Россіи является

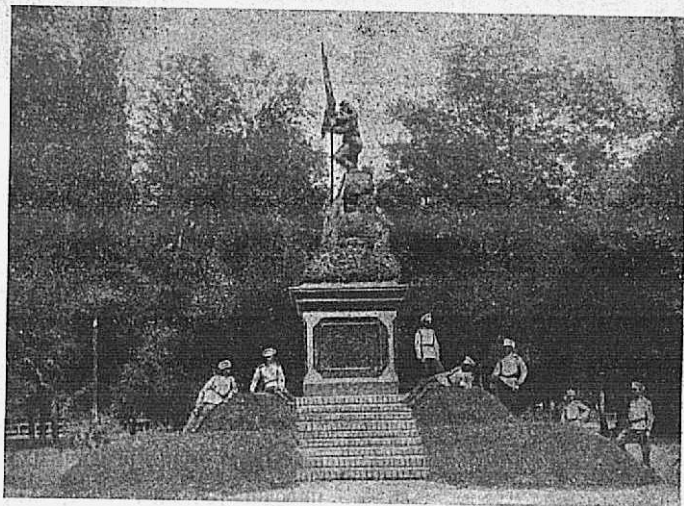
Довозено цензурою. С.-Петербургъ, 24 сентября 1905 года.

Редакторъ Ген. Штаба Полковникъ Платовъ.
Издатель А. А. Гейротъ.

для всякаго гражданина нашей Имперіи необходимымъ, интереснымъ и полезнымъ.

Начнемъ съ описаній *средне-азиатскихъ владѣній*.

Эти владѣнія *состоятъ* изъ пяти областей: Закаспійской, Самаркандской, Ферганской, Сыръ-Дарьинской и

Памятникъ русскому солдату въ Ташкентѣ.

3619

Семирѣченской. Все это занимаетъ общую поверхность въ 26,500 кв. миль.

Между Закаспійской, Самаркандской и Сыръ-Дарьинской областями врѣзываются Бухарское и Хивинское ханства, находящіяся въ зависимости и подъ покровительствомъ Россіи.

Границами средне-азиатской нашей окраины служатъ: а) для Закаспійской области—на югъ—Персія (отъ устья р. Атрека до р. Горируда) и Авганистанъ (отъ р. Гери-

руда до р. Аму-Дарьи), на востокъ—Бухарское ханство, на сѣверѣ—ханство Хивинское и Уральская область, на западѣ—Каспійское море,—и б) для остальныхъ областей—на югъ—ханство Бухарское, Авганистанъ и горы Гинду-Кушъ, на востокъ—Китай, на сѣверѣ—Семира-

2031

Его Высочество генераль-адъютантъ Сейдъ-Абдуль-Ахадъ
Эмиръ Бухарскій.

латинская, Акмолинская и Тургайская области, а на западѣ—область Уральская и ханство Хивинское.

Въ физическомъ отношеніи отличительной чертой интересующей насъ окраины служить ея равнинная поверхность, сливающаяся на сѣверѣ съ равнинами Сибири. Лишь въ юго-восточной части своей (Самаркандская, Ферганская и Семирѣченская области) она прорѣзывается съ востока на западъ отрогами Тянь-Шаньскихъ горъ.

Крайними на сѣверо-востокѣ изъ такихъ отроговъ являются хребты Тарбагатай и Борохоро. Между ними расположена равнина, называемая «Джунгарскими воротами», такъ какъ она служила дорогой, по которой изъ Азій въ Европу проходили монгольскіе народы. Изъ прочихъ отроговъ Тянь-Шаня извѣстны Ала-Тау и Терскій, окружающіе озеро Иссык-куль, хребетъ Александровскій, переходящій въ Кара-Тау и выдающійся далеко на западъ почти до р. Сырь-Дарьи, и хребетъ Алайскій, проходящій по границѣ съ высокимъ плоскогоріемъ Памира (крыша міра). Отроги Тянь-Шаня у китайской границы достигаютъ 16—18 т. фут. высоты, вышею ихъ точкою является гора Ханъ-Тенгри 24 т. фут.; линія вѣчнаго снѣга горъ подымается до 15 т. фут. Сѣверные склоны покрыты болѣе обильной растительностью, нежели южные, при этомъ хвойныя породы преобладаютъ и держатся въ полосѣ между 5 и 10 т. фут. высоты; ниже этой полосы появляется степная растительность, а выше ея—находятся альпійскія пастбища. Кромѣ названныхъ возвышенностей, на границѣ съ Персіей тянется хребетъ Копетъ-дагъ, врѣзывающійся съ востока на сѣверо-западъ въ Закаспійскую область и оканчивающійся хребтомъ Балханы недалеко отъ береговъ Каспійскаго моря, близъ Красноводскаго залива.

Низменная часть средне-азиатскихъ владѣній состоятъ на сѣверѣ изъ киргизскихъ степей, южныя ихъ, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, лежитъ пустыня Усть-Уртъ, а еще далѣе къ югу лежатъ туркменскія степи.

Степи въ Средней Азій нерѣдко пересекаются песчаными пустынями, занимающими почти половину пространства всѣхъ средне-азиатскихъ нашихъ владѣній. По сво-

имъ огромнымъ размѣрамъ особенно выдѣляются пустыни: Голодная Степь, лежащая къ сѣверу отъ р. Чу и входящая въ предѣлы Семирѣченской области лишь незначительною юго-восточною частью; Акъ-Кумъ, что значитъ бѣлые пески, находится между рѣками Чу и Сырь-Дарьей въ предѣлахъ Сырь-Дарьинской области; Кызыль-Кумъ, т. е. красные пески, простирается между нижними теченіями рѣкъ Аму-Дарьи и Сырь-Дарьи и находится также въ Сырь-Дарьинской области, и, наконецъ, Кара-Кумъ—песчаная пустыня Закаспійской области.

Въ степныхъ мѣстностяхъ растительность появляется лишь раннею весною и то на самое короткое время: безъ воды все скоро выгораетъ отъ дѣйствія благодатнаго и въ то же время безпощаднаго южнаго солнца и лишь мѣстами песчаныхъ пустыни на все лѣто остаются покрытыми кустарникомъ саксаула. Но зато тамъ, гдѣ есть вода, земля—сегодня, можетъ быть, никуда негодная, мало-цѣнная—завтра, какъ только по ней изольется тонкою змѣйкой струя воды и ороситъ безжизненно-спавшій участокъ, становится способною къ воздѣлыванію и на ней появляются селенія и плодородныя пашни.

Этѣ происходятъ отъ того, что пространства, свободныя отъ песковъ, состоятъ изъ плодородной лессовой (на-носной) почвы.

Эта почва во много разъ плодороднѣе прославленнаго чернозема. Чѣмъ дальше вообще удаляться отъ Сибири къ югу или отъ Оренбурга къ востоку, тѣмъ рѣже встрѣчается черноземъ, но болѣе и болѣе появляется желтоземъ или лессъ.

Мѣстами онъ образуетъ толщи до 5½ сажень глыбины и служитъ прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ:

туземцы воздвигаютъ изъ него свои жилища, получаютъ такъ называемыя глинобитныя постройки, при которыхъ лесъ съ теченіемъ времени настолько слеживается и твердѣетъ, что построенныя изъ него стѣны съ трудомъ пробиваются даже снарядами полевой пушки, чѣмъ въ старину туземцы и пользовались, возводя изъ лесса свои крѣпости. Остатки такой крѣпости Денгиль-Тепе *), взятой штурмомъ у текинцевъ генераломъ Скобелевымъ въ 1881 году, видны изъ вагона желѣзной дороги, когда приходится ѣхать изъ Красноводска къ Асхабаду. Въ память борьбы нашей съ туркменами и взятія Денгиль-Тепе, у остатковъ этой крѣпости и вблизи станціи Геокъ-тепе сооруженъ небольшой, но очень красивый музей, гдѣ собрано много различныхъ предметовъ, относящихся къ тому времени; желающіе могутъ приобретать здѣсь за очень дешевую цѣну фотографическіе снимки съ различныхъ, хранящихся въ музей, предметовъ.

Въ городахъ изъ лесса-же дѣлаютъ и обжигаютъ кирпичи. Кирпичъ получается бѣлаго (желтоватаго) цвѣта и очень проченъ. Несмотря на плодородіе лесса, воздѣлываніе почвы въ Средней Азіи (кромя Семирѣченской области) производится лишь при помощи искусственнаго орошенія, вслѣдствіе малаго количества падающей изъ воздуха влаги (въ видѣ дождей, росы и т. п.). Дѣло искусственнаго орошенія тамъ поставлено образцово. Туземные жители проводятъ изъ немногочисленныхъ мѣстныхъ водныхъ источниковъ на свои поля каналы, называемые тамъ «арыками» и съ замѣчательнымъ искусствомъ, притомъ весьма экономно, распределяютъ добытую кропотливомъ

трудомъ драгоценную живительную влагу. Зато и результаты ихъ тяжелой работы подъ палящими лучами солнца получаются удивительные: урожай бываютъ самъ 100—200.

Изъ за недостатка воды, земледѣліе, а въ связи съ нимъ и осѣдлое населеніе, располагаются или вблизи горъ, служащихъ источниками воды, или по берегамъ рѣкъ.

Рѣкъ въ Средней Азіи немного. Наиболѣе важными изъ нихъ являются слѣдующія:

Атрекъ и Герирудъ (или Тедженъ), протекающіе по нашей границѣ съ Персіей; первый беретъ начало въ Копетъ-дагъ и впадаетъ въ *Каспійское море*, а второй, начинаясь въ Авганистанѣ, своимъ нижнимъ теченіемъ теряется въ Туркменской степи.

Мургабъ служитъ главнымъ водовмѣстилищемъ для Мервскаго оазиса (оазисомъ называется плодородный участокъ, расположенный среди пустыни). На этой рѣкѣ, верстахъ въ 20 выше Мерва, имѣется старинная плотина Коушутъ-ханъ-бендъ, регулирующая воду по оазису и снабжающая водою знаменитое своими опытными плантаціями и питомниками Мургабское Государево имѣніе; находится оно верстахъ въ 25 къ востоку отъ города Мерва у станціи Средне-Азіатской желѣзной дороги Байрамъ-Али, близъ развалинъ древняго Мерва.

Аму-Дарья самая длинная и многоводная рѣка Средней Азіи. Беретъ начало у верхнихъ склоновъ хребта Гинду-Куша. Отличается, особенно въ верховьяхъ, быстрымъ теченіемъ, почему вода постоянно мутна, а измѣничивое русло благоприятствуетъ подмыву береговъ. Обрушивающаяся вслѣдствіе этого земля уносится рѣкой въ ея пучину и осаждается на многочисленныхъ переносныхъ меляхъ. Поэтому плаваніе по Аму-Дарьѣ не безопасно

*) Или Геокъ-Тепе.

даже при помощи опытныхъ боцмановъ и совершается только днемъ. Рѣка судоходна между городами Термезомъ и Петро-Александровскомъ. Здѣсь ходятъ пароходы Аму-Дарьинской флотиліи и большіе хивинскіе каюки (баркасы). При впаденіи въ *Аральское море* Аму-Дарья разбивается на многочисленные рукава, отчего выходъ изъ нея судовъ въ море затруднителенъ. У города Чарджуя расположена главная пристань Аму-Дарьинской флотиліи, и переброшенъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ въ мірѣ желѣзнодорожныхъ мостовъ (длинною болѣе версты).

Сыръ-Дарья беретъ начало въ отрогахъ Западнаго Тянь-Шаня и впадаетъ также въ Аральское море. Изъ нея недалеко отъ станціи Сыръ-Дарьинская, Ташкентской вѣтви Средне-Азіатской желѣзной дороги, выведенъ колоссальный магистральный каналъ имени Императора Николая II для орошенія безводной (Голодной) степи, лежащей въ средней части Самаркандской области.

Заравшанъ вытекаетъ изъ горъ Ферганской области, а затѣмъ своимъ нижнимъ теченіемъ терлется въ Бухарскомъ ханствѣ. Долина Заравшана представляетъ самую плодородную мѣстность во всей Средней Азій.

Чу течетъ изъ озера *Иссык-Куля* и теряется въ пескахъ Акъ-Кума.

Или—наибольшая рѣка Семирѣченской области, вытекаетъ изъ Тянь-Шаня и впадаетъ въ озеро *Балхашъ*.

Климатъ Средне-Азіатской Россіи, вслѣдствіе отдаленности ея отъ открытыхъ морей, вообще сухой, особенно въ степной части. Тутъ лѣтнія жары доходятъ до $+45^{\circ}$, а зимняя стужа до -35° . Дождь составляетъ явленіе чрезвычайно рѣдкое и зимы вообще бываютъ малоснѣжны. Лѣтній зной и зимняя стужа особенно увеличиваются при

сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, которые дуютъ здѣсь весьма часто съ необыкновенною силой и сопровождаются лѣтомъ вихрями, поднимающими тучи песку, а зимою—страшными снѣжными выюгами (буранами). Такія свойства климата причиняютъ много вреда скотоводству, составляющему главные средства къ жизни кочевниковъ. Для скота бываютъ гибельны и лѣтнія засухи, производящіе недостатокъ въ водѣ, вслѣдствіе быстрого ея испаренія, и зимніе бураны, и въ особенности гололедица, препятствующая скоту добывать кормъ изъ подъ твердаго обледенѣлаго снѣга. Въ юго-восточной части, покрытой высокими горами, климатъ умѣреннѣе, здѣсь зимняя и лѣтняя температуры не доходятъ до такихъ крайностей.

Обиліе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ влаги и высокая температура лѣтомъ служатъ причиной распространенія въ этихъ мѣстностяхъ лихорадокъ. Нездоровыми въ этомъ отношеніи мѣстами считаются города Мервъ, Кושка, Керки, Термезъ и Джизакъ.

Къ физическимъ особенностямъ нашей средне-азіатской окраины слѣдуетъ отнести и нерѣдкія здѣсь землетрясенія. Слабые подземные шумы, а особенно колебанія почвы наблюдаются очень часто, но они совершенно безопасны; мѣстное населеніе такъ къ нимъ привыкло, что почти не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Возможны, конечно, и гибельныя сотрясенія земной поверхности (Вѣрненское 1885 года и Андижанское 1902 года), но къ счастью они случаются сравнительно очень рѣдко. Землетрясеніемъ подвержены по преимуществу мѣстности, лежащія вблизи горъ.

Скажемъ теперь объ *естественныхъ богатствахъ* края. *Лѣсовъ* въ степныхъ пространствахъ совершенно нѣтъ,

въ гористыхъ же частяхъ главная масса лѣсовъ состоитъ изъ арчи (изъ породы хвойныхъ, похожа на тую), ели, березы, дикой яблони, орѣха, чинара, фисташки, тополя, тальника (ива) и пр. Но особенно достойны вниманія раскинувшіяся въ песчаныхъ пустыняхъ огромны заросли саксаула—это дерево растетъ только въ песчаныхъ пустыняхъ и ни на какой почвѣ больше не встрѣчается; въ хозяйствѣ оно играетъ роль топлива. Саксаулъ стараются разводить съ цѣлью удержать пески отъ распространенія на населенныя мѣста.

Луговъ въ Средней Азіи почти нѣтъ. Трава появляется только на самое короткое время. Въ концѣ марта степи быстро покрываются ковромъ роскошной растительности, а къ срединѣ мая вся эта растительность уже выгораетъ. Къ числу рѣдкихъ растений принадлежит дорменъ, дающій цитварное сѣмя, изъ котораго выдѣлывается сентаминъ, употребляемый въ медицинѣ; для выдѣлки его въ городѣ Чимкентѣ выстроенъ заводъ, единственный, кажется, въ Россіи.

Изъ *царства животныхъ* водятся: королевскій тигръ, лисица, камышевая рысь, дикая кошка, куница-бѣлодушка, заяцъ, олень (мараль), архаръ, горный козелъ, дикій кабанъ и пр.

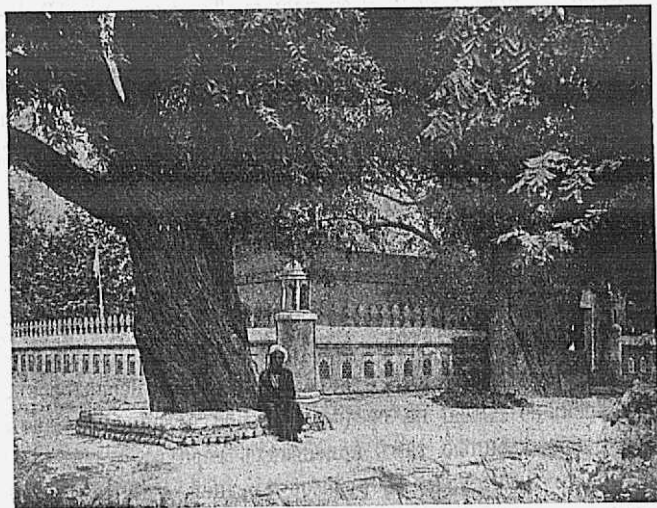
Изъ *рыбъ* заслуживаютъ упоминанія сомъ, судакъ, щука, сазанъ, карась, усачъ, маринка.

Изъ *пресмыкающихся* много различныхъ породъ змѣй и ящерицъ.

Изъ *птицъ* особенно замѣчательнъ фазанъ, который въ огромномъ количествѣ плодится въ среднемъ и нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи.

Къ числу мѣстныхъ бичей, отъ которыхъ достается и че-

ловѣку, относятся: комары, которые особенно опасны тѣмъ, что разносятъ лихорадочную заразу, слѣпни, ришта—тонкій чернаго цвѣта червячекъ, водащійся въ водѣ арыковъ, присутствіе его въ организмѣ человека можетъ окончиться смертельнымъ исходомъ; скорпіоны—въ степяхъ и пустыняхъ они достигаютъ наибольшихъ размѣровъ и ядъ ихъ

Могилы мусульманскаго святого.

3620

тамъ наиболѣе опасенъ; тарантулы—небольшіе черные страшно ядовитые пауки, водятся въ знойныхъ степяхъ; и, наконецъ, саранча появляется за послѣднее время ежегодно весною и дѣлаетъ опустошительныя нашествія на всевозможную растительность; съ нею въ Средней Азіи ведется энергичная борьба и довольно успѣшно: количество нарождающейся саранчи изъ года въ годъ стало уменьшаться.

Минеральные богатства состоятъ изъ незначительнаго количества золотыхъ россыпей; есть мѣдныя и желѣзные руды, каменный уголь, нефть, мраморъ и порфиръ, но всѣ эти богатства еще мало изслѣдованы и мало разрабатываются.

Всѣ наши средне-азиатскія владѣнія въ *административномъ отношеніи* составляютъ Туркестанское Генералъ-Губернаторство (Туркестанъ), а въ военномъ—Туркестанскій военный округъ; главнымъ начальникомъ края является Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, онъ же и командующій войсками Туркестанскаго военного округа; ему подчинено какъ военное, такъ и гражданское население края.

Ввиду того, что край покоренъ сравнительно недавно, все управленіе имъ находится въ рукахъ военнаго начальства: существуетъ, такъ называемое, военное народное управленіе. Вся мѣстная администрація въ областяхъ находится въ вѣдѣніи военныхъ губернаторовъ.

Военною силою на средне-азиатской окраинѣ служатъ два расположенные тамъ армейскихъ корпуса.

Всего *населенія* въ русской Средней Азій считалось около 5 милліоновъ, что для пространства болѣе, чѣмъ 26 тысячъ квадр. миль, совсѣмъ мало, такъ какъ даетъ въ среднемъ только нѣсколько болѣе 3 человекъ на одну квадратную версту.

Значительную часть населенія составляютъ киргизы и киргизъ-кайсаки, происшедшіе, по всей вѣроятности, отъ смѣшенія народовъ татарскаго и монгольскаго племени, говорящіе языкомъ, близкимъ къ татарскому и исповѣдующіе магометанскую религію.

Киргизы раздѣляются на три орды: малую, занимаю-

щую часть степи, ближайшую къ Уральской области; среднюю, занимающую среднюю часть степи, и большую, кочуущую на востокъ; здѣсь же въ горной мѣстности Семирѣченской области живетъ орда дико-каменныхъ киргизъ или кара-киргизовъ. Въ Закаспійской области кочуютъ разныя колѣна туркменъ; изъ туркменскихъ племенъ наиболѣе многочисленны текинцы,—видный, рослый, красивый народъ, когда то мужественные враги Скобелева. Туркмены также магометане.

Осѣдлое населеніе въ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областяхъ составляютъ сарты смѣшаннаго происхожденія, но съ преобладаніемъ тюркской крови въ типѣ, а въ Закаспійской области—таджики персидскаго происхожденія.

Русскіе живутъ больше въ городахъ и состоятъ преимущественно изъ служащихъ и торговцевъ; русскія поселенія болѣе распространены лишь въ Семирѣченской области, но въ послѣднее время правительство поощряетъ переселеніе русскихъ земледѣльцевъ и въ южныя области края, отводя имъ тамъ свободныя земли; такіе же земельные надѣлы получаютъ и нижніе чины, увольняющіеся послѣ дѣйствительной службы въ запасъ, если они изъявляютъ желаніе остаться на жительствѣ въ Средней Азій.

Киргизы ведутъ кочевой образъ жизни и главное ихъ занятіе составляетъ скотоводство; только тѣ изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, которые живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими и по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ; на этой послѣдней они преимущественно работаютъ по найму у сартовъ. Главное богатство киргизовъ составляютъ верблюды и въ особенности стада барановъ. Верблюды боль-

шею частью двугорбые, разводятся для перевозки тяжестей; лошади цѣнны для киргизъ тѣмъ, что даютъ кумысъ — любимый ихъ напитокъ. Киргизскія лошади невысоки ростомъ, довольно статны, болѣе пригодны для ѣзды подъ верхъ и для перевозки выюковъ, чѣмъ для ходьбы въ упряжкѣ или для пахотной работы. Самую же важную отрасль киргизскаго хозяйства составляетъ разведение барановъ, отъ которыхъ получается грубая шерсть, кожа и сало для продажи и обмѣна на предметы, необходимые киргизамъ въ ихъ обиходѣ. Издѣльная промышленность киргизъ ограничивается выдѣлкою кожъ и приготовленіемъ грубыхъ шерстяныхъ тканей, ковровъ и войлока (по мѣстному, — кошмы) для продажи и покрытія юртъ (кибитокъ), составляющихъ ихъ походныя жилища.

Часть туркменъ ведетъ полуосѣдлую жизнь и занимается скотоводствомъ и земледѣліемъ, а другая ихъ часть, кочующая, занимается исключительно скотоводствомъ.

Сарты и таджики, составляющіе преобладающее население Туркестанскаго края, ведутъ жизнь осѣдлую, живутъ въ селеніяхъ (кишлакахъ) и городахъ и занимаются земледѣліемъ, шелководствомъ, разными издѣльными промыслами и торговлей. Сартъ — житель городовъ, по преимуществу, и всегда торговецъ или ремесленникъ. Вообще сарты очень способный, трудолюбивый и предприимчивый народъ. Таджики — неутомимый земледѣлецъ.

Изъ хлѣбныхъ растений ячмень сѣется преимущественно озимый и идетъ на кормъ лошадямъ, отчасти же употребляется въ пищу кочевниками за недостаткомъ проса или пшеницы. Озимый ячмень посѣвается въ началѣ мая. Особенно много засѣвается рису, въ значительномъ количе-

ствѣ идущаго въ пищу туземцамъ. Онъ требуетъ большого количества воды для орошенія и сѣется почти исключительно въ низменныхъ долинахъ; посѣвается черезъ 4 мѣсяца, а 3½ мѣсяца бываетъ подъ водой. Вслѣдствие застоя воды на рисовыхъ поляхъ и вредныхъ ей испареній, служащихъ источникомъ лихорадокъ, воз-

Кочевники въ юртѣ.

дѣлываніе риса разрѣшается не ближе извѣстнаго разстоянія отъ населенныхъ пунктовъ. Средній урожай риса самъ 10—12.

Кукуруза разводится больше, какъ огородное растение; для перемола въ муку почти не употребляется, а поджаривается въ котлѣ и употребляется въ пищу теплой. Изъ хлѣбныхъ растений воздѣлываютъ еще пшеницу и просо. Хлѣбныя растенія при хорошемъ орошеніи даютъ,

какъ уже упоминалось раньше, необыкновенные урожаи; урожай бухарской пшеницы доходитъ до самъ 100, а просо до самъ 200. Однако-жъ хлѣба сѣютъ очень мало (кромѣ Семирѣченской области, гдѣ его сѣютъ съ избыткомъ), а огородныхъ корнеплодныхъ растений разводятъ еще меньше. Значительныя площади являются здѣсь занятыми посѣвами клевера (люцерны), идущаго въ кормъ скоту; онъ даетъ на хорошо орошенныхъ поляхъ огромные урожаи. Люцерна засѣвается одинъ разъ въ 10—15 лѣтъ и даетъ ежегодно до шести укосовъ въ лѣто. Въ послѣдніе годы здѣсь сильно развилось воздѣлываніе хлопчатника, особенно послѣ удачныхъ опытовъ съ посѣвомъ сѣмянъ американскаго хлопка, производимыхъ русскими и давшихъ блестящіе результаты; посѣвныя площади хлопка ежегодно увеличиваются и въ настоящее время собирается до 5 милліоновъ пудовъ очищеннаго хлопка ежегодно. Увеличеніе хлопковыхъ плантацій заставляеть уменьшать число пашень, своего хлѣба родится недостаточно для мѣстныхъ нуждъ и съ каждымъ годомъ ввозъ его со стороны увеличивается.

Изъ растений, съ цѣлью добыванія масла, разводятъ еще кунжутъ, изъ сѣмянъ котораго выжимають сѣдобное масло, а жмыхи, т. е. сѣмянные выжимки идутъ въ кормъ верблюдамъ.

Изъ другихъ отраслей земледѣлія наиболѣе распространено садоводство; всѣ города и селенія окружены садами, въ которыхъ произрастають абрикосы, фіашки, миндаль, персики и виноградъ. Фруктовъ родится очень много и они чрезвычайно дешевы; фунтъ винограду, напримѣръ, стоятъ отъ одной до пяти копѣекъ.

Виноградъ разводится многихъ сортовъ, между кото-

рыми встрѣчаются и высокіе сорта европейскихъ, крымскихъ и кавказскихъ лозъ.

Съ плодоводствомъ у туземнаго населенія тѣсно связано и *огородничество*. Хотя огороды и разводятся преимущественно въблизи сакель и въ садахъ, но тѣмъ не менѣе посѣвы нѣкоторыхъ растений уходятъ далеко въ открытыя поля. Самое большое количество огородныхъ земель обрабатывается подъ дыни. Средній урожай съ десятины до 5000 штукъ. Арбузы въ меньшемъ употребленіи среди населенія, хотя также прекрасно родятся. Изъ сока дынь и арбузовъ вываривается напитокъ, замѣняющій медъ. Огурцы, какъ и сорта тыквъ, употребляемыхъ въ пищу, воздѣлываются мало. Изъ породъ тыквъ сѣютъ «горлянку», идущую на приготовленіе посуды кувшиновъ, ведеръ для воды и т. п. Изъ овощей сѣются: лукъ, морковь, свекла, рѣпа и проч. Лукъ служить туземному населенію приправой къ мяснымъ блюдамъ, а морковь, какъ неотъемлемая принадлежность рисоваго «плова». Капуста и картофель разводятся для сбыта русскимъ.

Въ небольшомъ сравнительно количествѣ воздѣлывается и табакъ.

Скотоводство въ Средней Азіи, такъ какъ здѣсь преобладаетъ кочевое населеніе, а земледѣліе зависитъ всецѣло отъ искусственнаго орошенія, занимаетъ важное мѣсто и является самымъ главнымъ источникомъ матеріальнаго благосостоянія кочевого населенія, которое занимается скотоводствомъ, какъ промысломъ. Главное богатство кочевого населенія составляютъ верблюды и многочисленныя стада курдючныхъ барановъ. Рогатый же скотъ мелокъ, молока даетъ мало и при томъ плохое.

Изъ области заводской промышленности можно отмѣтить существованіе нѣсколькихъ винныхъ заводовъ, выдѣлывающихъ мѣстное виноградное вино.

Изъ разныхъ видовъ издѣльной промышленности наиболѣе распространены: приготовленіе довольно грубыхъ бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей, ковровъ, сѣделъ и выдѣлка кожъ. Ковры славятся, особенно текинскіе, прочностью ткани и красокъ и оригинальностью рисунка. Хорошіе ковры дороги, но зато и долговѣчны. Шелководство въ Туркестанскомъ краѣ—одно изъ древнѣйшихъ промысловыхъ занятій. Шелковичное или туттовое дерево распространено во всѣхъ культурныхъ районахъ.

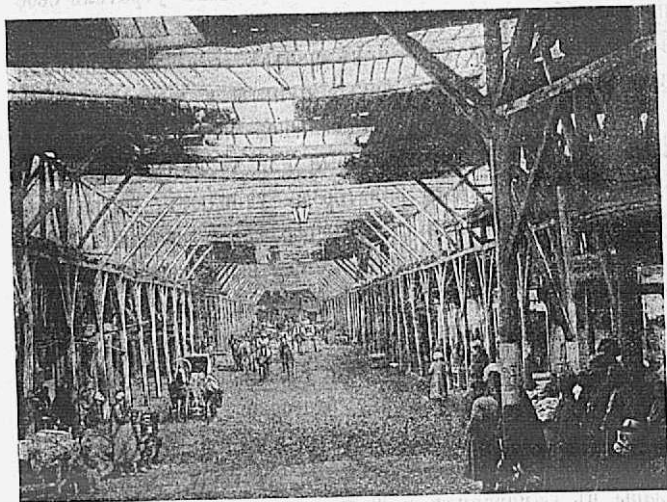
Листья этого дерева служатъ пищею шелкоичнымъ червямъ, разведеніемъ которыхъ занимаются повсемѣстно.

Производящаяся въ краѣ торговля до проведенія желѣзныхъ дорогъ совершалась караванами на верблюдахъ или арбахъ.

Арба есть особая мѣстная повозка, состоящая изъ платформы (деревянной или плетеной изъ хвороста), помѣщенной на деревянной оси съ двумя высокими (не менѣе сажени) колесами (хивинскія арбы имѣютъ низкія колеса). Ширина хода арбы не менѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Вслѣдствіе такого устройства арба легко преодолеваетъ встрѣчающіяся ей на пути препятствія въ видѣ камней или канавъ и представляетъ изъ себя не особенно тряскую повозку, хотя и дѣлается безъ рессоръ (лишь въ туркестанскихъ войскахъ, гдѣ часть войсковыхъ обозовъ состоитъ изъ арбъ, арбы, предназначенныя для перевозки больныхъ и раненыхъ, устроены на каучуковыхъ рессорахъ). Запряжка арбъ оглобелная; оглобли составляютъ

одно цѣлое съ платформой (служать продолженіемъ ея боковъ; платформа къ переду суживается). Возница (арбакешъ) управляетъ лошадыю, сидя у нея на спинѣ и упираясь ногами въ оглобли.

При той грязи, вязкой и глубокой, которая получается на азиатскихъ дорогахъ послѣ дождей позднею осенью, зи-

3624

Базаръ въ туземномъ городѣ.

мой и раннею весной, проѣздь только и мыслимъ на такихъ повозкахъ, какъ арба.

Нынѣ съ проведеніемъ Средне-Азіатской и Оренбургъ-Ташкентской желѣзныхъ дорогъ большая часть товаровъ идетъ по этимъ дорогамъ. Предметами торговли служатъ сало, хлопокъ, шелкъ, бумажныя и шелковыя ткани, сушіе фрукты и кирпичный чай.

Въ киргизскихъ степяхъ, изъ которыхъ состоятъ съверныя области Туркестана, начало *осёдлости* положено было только со времени покоренія этой страны русскими. Здѣсь были основаны сначала по границѣ, а потомъ и въ самой степи укрѣпленія, служившія опорными пунктами для удержанія въ покорности кочевниковъ. Въ настоящее время многіе изъ этихъ пунктовъ утратили свое прежнее военное значеніе и обратились въ маленькіе незначительные городки, а въ центрѣ страны приобрѣли важное значеніе многіе другіе пункты и города.

Города Средней Азіи по большей части раздѣляются каждый на двѣ части: старый или туземный городъ и русскую часть. Почти всѣ города утопаютъ въ зелени, улицы ихъ съ обѣихъ сторонъ обсажены деревьями: акаціями, тополями, карагачами и пр., вдоль деревьевъ прорыты канавки (арыки), по которымъ вѣчно бѣжитъ чистая вода. Въ большихъ городахъ улицы шоссированы и ежедневно въ сухое время года поливаются раза 2—3 въ день водою изъ арыковъ, благодаря чему пыли въ городахъ не бываетъ. Значительные восточные города славятся своими огромными базарами, таковы, напримѣръ, базары въ Самаркандѣ и Ташкентѣ; иногда эти базары представляютъ изъ себя цѣлый лабиринтъ улицъ, сплошь съ обѣихъ сторонъ занятыхъ лавками со всевозможными товарами; чтобы предохранить продавцовъ и покупателей отъ палящихъ лучей солнца, черезъ улицы перекинута длинная жердь, на которыя постланы соломенные циновки; такимъ образомъ базары имѣютъ видъ крытыхъ галлерей.

Болѣе важные города средне-азиатской окраины: Ташкентъ—мѣстопробываніе Туркестанскаго Генераль-Губер-

натора, большой промышленный и торговый городъ, центръ административнаго и военнаго управленія краемъ, соединенъ желѣзными дорогами съ Красноводскомъ и Оренбургомъ, имѣетъ 150 т. жителей.

Въ немъ имѣется нѣсколько храмовъ, главнымъ служить военный Спасо-Преображенскій соборъ, въ которомъ

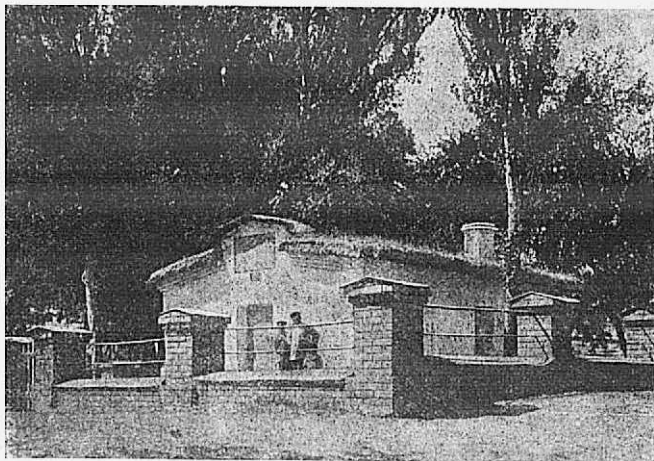
Спасо-Преображенскій соборъ въ Ташкентѣ.

3623

покоится прахъ перваго Туркестанскаго Генераль-Губернатора генераль-адъютанта Кауфмана, устроителя Туркестанскаго края, и протоіерея Андрея Евграфовича Малова, участвовавшаго во всѣхъ походахъ русскихъ войскъ при завоеваніи этого края.

Въ Ташкентѣ много учебныхъ заведеній: кадетскій корпусъ, реальное училище, мужская и женская гимназія, учительская семинарія и нѣсколько низшихъ школъ,

какъ русскихъ, такъ туземныхъ и еврейскихъ; имѣется много прекрасныхъ зданій и садовъ; изъ зданій достойно вниманія: военное собраніе и дворецъ Великаго Князя Николая Константиновича. Въ Ташкентѣ сохраняется какъ памятникъ старины избушка, въ которой жилъ покоритель Ташкента генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ; эта

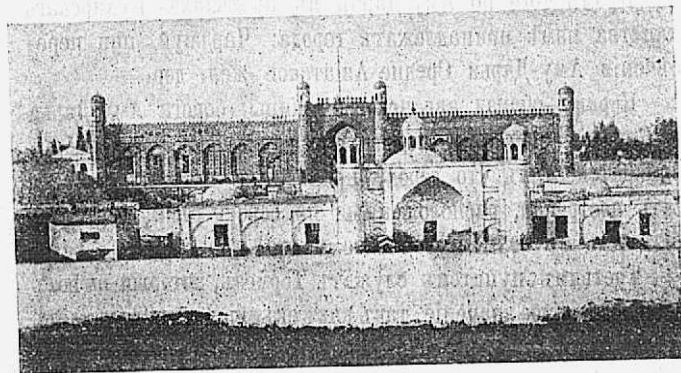
Избушка генерала Черняева въ Ташкентѣ.

избушка была первымъ домомъ русской части города Ташкента. Въ Ташкентскомъ городскомъ саду стоитъ модель памятника, который будетъ построенъ въ честь русскаго солдата, завоевавшего Туркестанъ; памятникъ очень красивъ, изображаетъ стараго солдата-туркестанца въ кепи съ назатыльникомъ, водружающаго русское знамя на развалинахъ стѣны непріятельскаго укрѣпленія.

Самаркандъ—областной городъ со многими старинными колоссальными мечетями, украшенными разноцвѣтными

изразцами; въ одной изъ нихъ похороненъ Тамерланъ, великій завоеватель Азии и части Европы. Городъ расположенъ у желѣзной дороги.

Новый Маргеланъ—главный городъ Ферганской области, соединенъ желѣзной дорогой съ Красноводскомъ. Въ Маргеланѣ великолѣпное зданіе военнаго собранія, построенное во времена генерала Кауфмана.

Дворецъ кокандскихъ хановъ.

3631

Вѣрный—областной городъ Семирѣченской области, мѣсто пребыванія епископа туркестанскаго.

Асхабадъ—областной городъ Закаспійской области.

Бокандъ—центръ торговли хлопкомъ; старинный дворецъ хановъ кокандскихъ.

Красноводскъ—торговый городъ на берегу Красноводскаго залива, отъ него начинается Средне-Азіатская желѣзная дорога на Андижанъ съ вѣтками на Кушку и Ташкентъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Ташкента на Оренбургъ, значеніе Красноводска какъ торговаго пункта, вѣроятно, нѣсколько упадетъ.

Мервъ—важенъ въ военномъ отношеніи: отъ него идетъ желѣзнодорожная вѣтка къ крѣпости Кушка, лежащей на нашей границѣ съ Авганистаномъ.

Петро-Александровскъ—главный пунктъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, состоящаго въ вѣдѣніи военного губернатора Сыръ-Дарьинской области, на рѣкѣ Аму-Дарьѣ; центръ нашихъ сношеній съ Хивинскимъ ханствомъ.

Кромѣ того по Аму-Дарьѣ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства намъ принадлежатъ города: Чарджуй при пересѣченіи Аму-Дарьи Средне-Азіатской жел. дор.

Керки—въблизи авганской границы; берега Аму-Дарьи у Керковъ постоянно подмываются теченіемъ рѣки и обрушиваются, такъ что городу приходится постепенно сносить постройки, расположенныя по берегу рѣки, и отодвигать ихъ въ болѣе безопасное мѣсто.

Третьимъ пунктомъ служатъ Термезъ, который имѣетъ важное военное значеніе, такъ какъ его лишь рѣка отдѣляетъ отъ Авганистана, не выражающаго къ намъ особаго расположенія или дружбы. Сейчасъ вокругъ Термеза довольно пустынно, но въ давно прошедшія времена, во времена еще Александра Македонскаго, здѣсь жизнь кипѣла ключемъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіеся и до нашихъ дней остатки развалинъ большого города.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БѢГЛЯНКА.

Повѣсть.

(Окончаніе).

VI.

Е успѣлъ Николай Ипполитовичъ, по прибытіи въ Иркутскъ, выйти изъ вагона, какъ уже передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, выросъ лысый Фомичъ.

— Пожалуйте, ваше благородіе!—подхватилъ онъ подъ руку юнаго героя. — Со вчерашняго дня васъ здѣсь караулю. Анна Матвѣевна, хозяйшка наша, безпремѣнно приказала васъ тотчасъ же доставить. Самъ то, Провъ Ивановичъ, хозяинъ-то, въ отъѣздѣ, въ Томскѣ; а онѣ то, хозяйшка, не поѣхали съ ними. Пожелали васъ встрѣтить. Ужъ такъ-то ждуть, что и сказать нельзя. Очень полюбили